

- ИСКУССТВО ПРЕВРАЩЕНИЙ** [1.htm](#) *марина аромштам*
- ВОЗМОЖНА ЛИ ЧИСТАЯ
СОВЕСТЬ?** [2.htm](#) *григорий померанц*
- ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ
СОБСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ** [3.htm](#) *юрий фролов*
- НЕСЕМ ЛИ МЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?** [4.htm](#) *вадим абдрашитов*
- О ЖАДНЫХ ЛЮДЯХ,
КОТОРЫЕ, ЕСЛИ И ДАЮТ
ДЕНЬГИ, ТАК ПОТОМ
ЗАМУЧАЮТ: ОТДАЙ И
ОТДАЙ** [5.htm](#) *светлана пьянкова*
- НЕСЕМ ЛИ МЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?** [6.htm](#) *юрий энтин*
- КОГДА НАМ НЕОБХОДИМА
ПОМОЩЬ...** [7.htm](#) *светлана кривцова*
-
- О ПЕДАГОГИКЕ, КОТОРОЙ
НЕТ** [8.htm](#) *vladimir ланцберг*
- ШКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ,
ИЛИ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ
“ДОЖИВЕМ ДО
ПОНЕДЕЛЬНИКА!”** [9.htm](#) *марина аромштам*
- ПРЫГАЯ ПО
ЧЕРЕСПОЛОСИЦЕ
ВОЗРАСТОВ** [10.htm](#) *сергей плахотников*
- НА ПОЛЯХ УРОКА** [11.htm](#) *анатолий берштейн*
-
- НЕСЕМ ЛИ МЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?** [12.htm](#) *лев николаев*
- ТЕЛЕВИЗОР: НАСТАВНИК И
ЗЕРКАЛО** [13.htm](#) *сергей степанов*
- КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ,
ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ** [14.htm](#) *маргарита жамкочьян*
- НЕСЕМ ЛИ МЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?** [15.htm](#) *сергей менделевич*
- КНИГИ** [16.htm](#) */мураками/экман/уте*
- ЧАСЫ БЬЮТ В ДЮЖИНУ** [17.htm](#) *татьяна бабушкина*

ИСКУССТВО ПРЕВРАЩЕНИЙ | *марина аромштам*

В понедельник на столе не запертой по халатности театральной комнаты несколькими вездесущими первоклассниками был обнаружен... нос. – Ага! Нос! – радостно закричала маленькая деловая Вера, и у меня внутри все похолодело. В коридоре послышался топот ног еще нескольких детективов, срочно вызванных для исследования этой молчаливо вопиющей улики, а также для опознания обнаруженных тут же шубы и бороды.

Я чувствовала себя преступником, застигнутым на месте преступления, и в отчаянии перебирала все возможные алиби.

– Ха-ха! Переодетый!

– Ненастоящий!

– Накрашенный был!

– Нос-то – пластмассовый!

Единственным серьезным аргументом в “нашу” пользу были подарки. На это я и собиралась нажимать в ближайшем разговоре, который, увы, приходилось откладывать до “после каникул”. Наступал Новый год...

Новый год – единственный праздник, в отношении которого нам удается сохранить непосредственные чувства на протяжении всей жизни. И дело не только в подарках. Дело – в бое часов. Где-то там, внутри последнего удара, наступает удивительное мгновение – мгновение **ОТСУТСТВУЮЩЕГО ВРЕМЕНИ**: старое уже закончилось, а новое еще не началось! Мгновение стыка конца и начала, вызывающее душевный трепет, страх, восторг! Жизнь прерывается на вздохе – она же не может быть вне времени! – и продолжается лишь в тот момент, когда часы ударили в последний раз.

– Если не уснете, постарайтесь почувствовать, что значит оказаться между Старым и Новым годом. А вдруг кому-нибудь удастся подглядеть, КАК это происходит? КАК наступает Новый год? И на что он наступает? Ведь если кто-то из вас захочет наступить, мы это сразу увидим.

– У меня вдруг потух свет. А потом под елкой оказались подарки.

– А у нас кто-то сильно в дверь постучал, мы побежали – и увидели мешок.

– А у меня утром все было в чулке над кроватью. Чулок специальный такой – красный, пушистый.

– А я была на елке, и мне вот что Дед Мороз принес!

Вот оно! Спрашиваю осторожно:

– Настоящий?

– Да-да! Самый настоящий!

– И у меня настоящий был!

– И у меня!

– Так... А в детском саду, значит, не настоящий? – может, я напрасно лезу в бутылку?

Смеются:

– Нет, не настоящий! Разве у настоящего пластмассовый нос бывает?

Перевожу дух. Значит, есть-таки настоящий. Все не так плохо.

– Но согласитесь, подарки-то уж точно были настоящие?

Стас – рационалист. На мякине не проведешь.

– Подарки ведь и купить могли...

– Что же не отказались? – Кажется, я обиделась. Ну и ну! Надо мириться.

– Знаете, то, что кроме настоящего бывают еще и переодетые Деда Морозы, это даже хорошо. Не удивляйтесь, сейчас объясню...

...Мой папа никогда не умел договариваться с бабушкой. Бабушка его боялась и произносила имя зятя только шепотом. Меня к ней отправляли редко: она меня “портила”. На этот раз “порча” была налицо. Потихоньку от родителей бабушка открыла мне страшную тайну: Деда Мороза не бывает. Это артист переодетый. Накрасит нос, приклеит бороду – вот и все волшебство! Бабушка возбужденно хихикала. Она была учительницей начальной школы и в молодости ставила с детьми какие-то сценки... Папа был в бешенстве. На этот раз мама его поддержала: “Разве можно лишать ребенка детства?” (Мне было шесть лет.) Рассерженные родители до срока прервали мое пребывание в бабушкином доме и вернули домой.

А моя душа – пела! Про артиста я и сама догадывалась. Но какое отношение все это имело к **НАСТОЯЩЕМУ** Деду Морозу? Конечно, он не может оказаться на всех елках сразу. Может, он вообще невидимый? Может, Ему даже нравится, что в Него наряжаются?

А наряжаться – здорово! Это же почти что превращаться! Я ведь тоже могу? Могу превратиться в Снегурочку, буду ходить, как настоящая Снегурочка, говорить ласковым задорным голоском. Я так оденусь, что никто и не подумает, что я – простая девочка. На следующий год меня действительно назначили исполнять роль Снегурочки. Я была так счастлива, что чуть... не растаяла! И очень удивилась, что Дед Мороз так легко со мной расстаётся и не хочет брать меня на другую елку в соседний детский сад!..

– Хорошо, что бывают переодетые Деда Морозы и Снегурочки. Это значит, кто-нибудь из вас тоже может попробовать! Нарядится и придет к малышам с подарками. Они ведь поверят! А еще можно стать Дедами Морозами – невидимками. Помните, мы читали “Путешествие Голубой Стрелы”? Не все дети могут получить подарки к Новому году: и настоящий Дед Мороз до них не добрался, и родители ничего им не купили – нет денег. А вы можете послать посылку и подписаться за Деда Мороза. Представляете, как эти ребята обрадуются? Главное – правильно превратиться!

Согласны. Кивают. Значит, мир. |

ВОЗМОЖНА ЛИ ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ?

Григорий Померанец

– философ, культуролог, писатель. Участвовал в Великой Отечественной войне, был заключенным ГУЛАГА, в 60–70 годах активно участвовал в самиздате. Он по-прежнему живет в Москве, читает лекции, пишет книги.

Что такое чистая совесть? Можно ли жить и действовать, сохраняя чистоту совести? Или прав Швейцер, и чистая совесть – уловка дьявола?

Моя совесть не может быть чистой. Но совесть чиста, когда исчезло мое, исчезло это, со всеми его проблемами и грехами. Это состояние утраты “я” и полноты присутствия Бога.

Когда мы говорим: “Моя совесть чиста!”? Как раз тогда, когда дела идут плохо, не по совести, но ты думаешь, что от тебя ничего не зависело и ничего ты не можешь сделать. В этом возгласе есть нечто вроде алиби: не я убил. Меня при этом не было.

Совесть может быть чиста там, где речь идет вообще не о совести, а о строго сформулированном праве: я уплатил за квартиру, за электричество, за газ, уплатил арендную плату... И то если другие жильцы, другие арендаторы бойкотируют, отказываются платить, простой вопрос сразу становится сложным. А во всяком запутанном деле нельзя остаться чистым. Иван Карамазов уехал в Чермашно и оказался союзником Смердякова. А если бы не уехал? Вот случай, о котором я недавно прочел: сын вычеркнул отца, фабриканта, из списка на высылку в Сибирь. Семья осталась в Литве – и погибла вместе с другими евреями в 1941 году (в ссылке могли бы уцелеть).

Чиста ли совесть у пенсионеров, клянущих Гайдара и Ельцина? Что пенсионеры думали в 56-м году, когда давили Венгрию, в 68-м, когда давили чехов? Одобряли и поддерживали. Между тем я убежден: если бы реформы начались на тридцать лет раньше, когда не все насквозь прогнило, многих нынешних провалов удалось бы избежать...

Чиста ли совесть у демократов, у того же Гайдара? Он уверен, что чиста: его правильную теорию просто не дали правильно выполнить. А кто доказал, что русский человек после 70 лет советской власти будет действовать по правилам, установленным в Америке?

Чиста ли совесть у диссидентов, просто отказывавшихся думать, что делать в случае победы, какую проводить политику? Выйдя из тюрем и лагерей, они ничего не могли предложить и постепенно успокоились на том, что это не их дело. Лариса Богараз признавала это своей виной.

Чиста ли совесть у солдата, выполнявшего приказ? В 1944 году я совершенно вжился в свою военную форму, приказ был для меня закон. Приказ разрешал рукоприкладство. И во время ночной смены позиций я ткнул в бок солдата, загремевшего снаряжением. Солдат, годевший в отцы, выговорил свою обиду и пристыдил меня; до сих пор помню свой стыд. А потом стыд, что не помогли восставшей Варшаве. Мы без приказа стали сматывать палатки, как вдруг неожиданно: ставить палатки на место! И потом по радио: помочь Варшаве нельзя. По стратегическим причинам. Целый день офицеры, встречаясь глазами, отворачивались, стыдно было. На другой день привыкли: не наше дело – высокая политика. И я привык. Не стал додумывать мысль до конца. Хотя умел это делать и в 38-м, 39-м году не блял, как овца. Связал страх остаться одному против всех (все ложь главнокомандующего проглотили). Пока я был один – мыслил, а укоренившись в стае, в почве, в народе – лаю по-собачьи, блею по-овечьи.

Я образ и подобие Бога, и я наследник зверей, оставивших след в моих генах. Апостол Павел плакал об этом. Он не знал про гены, писал другими словами: в членах моих нахожу желание греха, плоть моя противится Божьему слову. В духе – сознание Целого Вселенной, сознание капли, тождественной океану, – и во плоти – сознание умного животного, ищущего, как обойти, обогнать другого, съесть другого.

Пушкин писал: не продается вдохновенье, но можно рукопись продать. А что, если мысль о продаже вмещивается в само вдохновение? И повернет перо так, чтобы выгоднее продать? Я пишущий человек, я это знаю.

Выгоды могут быть разные, очень иногда тонкие: желание славы, желание посмертной награды. Думать о достойном ответе на страшном суде – одно, а рассчитывать на награду – совершенно другое. Отец Сергей подгнил от любования своей святостью. И Силуану было сказано: “Держи ум свой во аде и не отчаивайся!”

Есть общий смысл в христианском принципе “я хуже всех” и в буддийской теории иллюзорности “я”, “анатта”. Разные философские высказывания, но направленность у них одна: преодолеть обособленность “я”, выйти из двойственности. Но преодоленная двойственность всплывает заново. Поиск выгоды неотделим от жизни. Целостность не может до конца поглотить частный интерес. Отсюда нештучный ответ Александрийского сапожника святому Антонию: “Все спасутся, один я буду гореть в аду”. И понимание Антония, что этот ответ выше всех его подвигов. Вот первый раскол: целостность и частный интерес.

Второй раскол – внутри разума, сознающего Целое, внутри долга. Существует такое понятие – коллизия законов. Один закон велит, другой запрещает. Но так и с заповедями. Приведу сразу пример. Об этом было в газетах. Диссидент Болонкин получил срок – три года. Он не был сломлен, и в лагере ему пришли еще три года. За это время сын Болонкина подрос и стал заводить плохие знакомства. Письма в лагерь проходили сквозь цензуру, и гебешники знают, что у кого болит. Болонкину опять предложили выбор: или он покается по телевизору, или третий срок. Чувства отца столкнулись с гражданским долгом. Болонкин согласился, на него надели приличный пиджак, а брюки остались лагерные, их под столом не видно, и все нужные слова попали на голубой экран. Среди моих друзей было много диссидентов, никто Болонкина не осуждал. Осуждали Дудко, Красина, Якира: струсили. А здесь долг столкнулся с долгом.

Безусловная верность одному долгу оборачивается топтанием других долгов. Есть история 48 ронинов (т.е. безработных самураев, вассалов, оставшихся без сюзерена). Это подлинный случай, но он был пересказан Бакином, так что это и факт, и классическая японская литература XVIII века. Некий даймё (лорд) вступил в конфликт с важным чиновником бакуфу (правительства) и был им погублен. Вельможа знал, что ему будут мстить, и нанял сильную стражу. Пришлось ждать несколько лет. Чтобы как-то прожить, многие ронины, оставшиеся без средств, продали своих жен в публичные дома. Наконец подозрительность вельможи была усыплена, и он распустил часть стражи. Тогда ронины напали на его замок и выполнили то, что считали долгом чести. Потом они явились с повинной. Бакуфу вынесло приговор: всем 48 ронином сделать себе хакакири. И 48 ронинов разрезали себе животы.

Это экзотика, но ничуть не меньшей была жестокость русских революционеров. Меня учили в школе, что Разметнов проявил недопустимую слабость, пожалев семью раскулаченного (это из “Поднятой целины” Шолохова). И дело здесь не в идеях революции, в идеях язычества, Востока. История христианства тоже полна подобными примерами. Пуритане, строго исполнители религиозного закона, славившие своей жестокостью к чужому греху. На совести католицизма – поход против альбигойцев, Варфоломеевская ночь. На совести православия – канонизированная царица Ирина, по повелению которой было перебито сто тысяч иконоборцев (то есть христиан, верных заповеди “не сотвори себе кумира”, нарушенной вселенской церковью – и католической, и православной).

Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело. А совершенное отсутствие рвения, духовная и нравственная вялость – тоже от дьявола. Обе крайности – от него. И безусловная верность одной идее, одному долгу – и отказ от всяких идей, от всякого чувства долга, беспечность современных сибаритов, ищущих одних только наслаждений.

Долг – это не просто заповедь. Это мучительная задача, как примирить разные принципы. Когда началась война в Чечне, я долго молчал. Мне хотелось понять всех: и чеченцев, и русское население Чечни, и молчаливое большинство русского народа, скованное страхом за распад державы. Я стал писать, когда все участники конфликта заговорили во мне на равных правах, когда сложился внутренний диалог принципов. Я не верил в правду одного принципа. Я верил в правду диалога, кружения вокруг пустого центра, пустого места для примирения принципов, потерявших жесткость, ставших текучими.

В поздние советские годы я балансировал между тремя принципами: гражданским долгом, профессиональным долгом и долгом семьянина. Я постоянно спотыкался, постоянно чем-то жертвовал, и совесть моя всегда нечиста. Я легко решился протестовать против высылки Сахарова, но не решился, как Сахаров, протестовать против войны в Афганистане. Мне казалось, что для такого хода не было в руках подходящей карты – всемирной известности. Я протестовал против оккупации Праги в философском эссе спустя несколько месяцев, в прозрачных, но не совсем открытых словах. Я эскал “Акафист пошлости” для публикации за рубежом, когда понял, что кроме меня некому выступить, всем заткнули рты, и сделал это не без расчета (на первый раз “предупредить”; меня действительно вызвали, промыли мозги и предупредили о применении какой-то статьи, кажется, 190-1). Выслушав “предупреждение”, я обещал на будущее отказать от прямых политических протестов, но сказал, что публикацию за рубежом моих статей литературного и философского характера санкционирую. Некоторые друзья считали, что я держался слишком откровенно; другие – что всякие обещания им – слабость. Я сознавал, что кажусь дураком в одних глазах и слабаком в других. Подобного рода колебания были и в поведении Бориса Альтшулера, человека по натуре очень прямого, но не готового принести в жертву жену и детей. Он об этом рассказывает в своей статье, помещенной в сахаровский сборник.

Сейчас мне не грозит тюрьма, но однозначных принципов у меня и сегодня нет. Я понимаю доводы и за, и против смертной казни. Против – ближе моему сердцу, но даже в Израиле, где нет смертной казни, Эйхмана все-таки повесили. Я помню случаи, когда стрелял (правда, поверг голов), чтобы остановить бегство и уложить солдат в цепь. Я бы стрелял и по ногам, если бы меня не послушали, и в голову, при явном метеже. Я допускаю, что при нынешнем размахе преступности вполне возможна шоковая терапия. Я убежден, что в Сумгаите надо было стрелять на поражение и не допустить погрома, что возможны другие подобные случаи. Я склоняюсь к презумпции отказа от смертной казни, от стрелы по толпе и т.п., но презумпция не мешает осуждать преступника, если вина его доказана, и презумпция прав личности не может мешать чрезвычайным мерам в чрезвычайной обстановке. Я сознаю, что всякое практическое решение не безупречно, всякое действие может вызвать лавину зла и действующий человек идет на великий риск. Но бездействие сплошь и рядом еще большее зло.

Во всяком столкновении с другим я вспоминаю Сартра: “Другой отнимает у меня мое пространство. Существование другого – недопустимый скандал”. Я признаюсь, что иногда сам так чувствую. Я знаю, что раздражение – знак божьего внутреннего неблагодария, что оно говорит о недостатке любви, но не сразу, не было, мгновенно вспоминаю любовь, не сразу тепло раздражение в любви. И не с каждым человеком мне легко вспомнить про Бога (который любовь) и взглянуть на Другого Его глазами (в которых нет других). Перед всеми другими я виноват, что почувствовал их, как другого. И каждый раз это вина перед Богом.

Без этой чуткости к своей вине доброе дело, начатое нами, легко становится источником отчуждения от Другого и зла, повернутого на Другого. Таким свободом делом была свобода прессы, радио, телевидения – и вдруг мы заметили, что свобода СМИ стала властью СМИ, свобода нации стала угнетением другой нации, свобода науки стала разрушением цельности культуры; и всякое частное добро где-то есть зло.

Зло – порождение жизни. Жизнь всегда – отдельная, и, утверждая себя, она душист и поедает другие жизни. Даже деревья – загромождающая солнце. Еще больше – животные и птицы. И больше других – человек. Но человек – не только живое существо; он еще существо духовное, образ и подобие Бога, и сознание себя как образа Бога восстает против. Кажется, никто не понимал это лучше Тютчева: “И все же ноет в груди, как совесть. Кажется, никто не понимал это лучше Тютчева: “И все же до крайних звезд все безответен и поныне глас вопиющего в пустыне, души отчаянный протест”.

Власть слов, идей возникает во имя духа и загромождает дух, как икона загромождала Рильке от Бога. Это постоянный вопрос, стоящий перед цивилизацией, нагромодившей очень много слов. И время от времени разгорается борьба с омертвившим, дурно пахнущим словом. Время от времени больно назвать то, что чувствуешь,вестишься его назвать. “Мысль изреченная есть ложь. Взрывавай, возмутись ключи...” И все же наш долг – произнести слово. Долг, противостоящий другому долгу – молчанию.

Солженищину казалось, что все зло – от нарушения каких-то правил. Примерно так думал и Лев Толстой. Но есть еще благодать – чувство, когда закон добра становится законом, когда лекарство начинаешь чувствовать, когда закон добра становится записано. Его постоянно ищешь и все время чувствуешь неточность, грубость своего понимания. Это чувство внушило мне мысль, что стиль полемики важнее предмета полемики, важнее правоты в споре. Ибо правота никогда не бывает совершенной и никогда нет такого ясного и твердого добра, что против его оппонента хороши все средства. Отставаяя добро, мы постоянно грешим против добра. Даже тогда, когда в формальном, правовом плане мы чисты, кто знает все последствия своих действий? И наконец, мы всегда грешим неисполнением первой заповеди: Возлюбите Бога всем сердцем, каждым помышлением своим. Прав Швейцер: чистая совесть – уловка дьявола...

Но поэт опытно знает состояние чистой совести:

*Чистая совесть – дыханье простора,
Чистое веянье духа, в котором
Бог развернулся сплошной дорогой.
Чистая совесть – согласие с Богом.*

*Чистая совесть – согласие с мирами,
К нам доносящими дальше пламя,
С каждой звездой и душою зеркальной,
Той, что звездой была изначально.*

Моя совесть не может быть чистой. Но совесть чиста, когда исчезло мое, исчезло это, со всеми его проблемами и грехами. Это состояние утраты “я” и полноты присутствия Бога. Только состояние. Но оно есть.

*О Господи, меня ведь нет.
Расплылись все черты.
Все было светлой суетой,
Остался только Ты.*

*Остались на исходе дня
Вод тихих зеркал.
О Господи, прости меня
За то, что я была.*

*За то, что тратила запас
Вселенской тишины.
Прости меня за каждый час,
Что мы разделены. |*

/оба стихотворения Зинаиды Миркиной

**НЕСЕМ ЛИ МЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕУДАЧИ
НАШИХ ДЕТЕЙ?** *Вадим Абдрашитов*

Я сейчас подумал: я ведь никогда не формулировал прямо ответ на этот вопрос – насколько мы отвечаем за успехи и неудачи наших детей... Но всегда отвечал на этот вопрос своими картинками. У нас с Александром Миндадзе есть два фильма, в которых ответ, мне кажется, кинематографически сформулирован давно. И очень прямо. Это фильмы “Плюмбум” и “Охота на лис”. Это ведь фильмы о подростках, о драмах и “искривлениях” взросления.

По большому счету это очень серьезный вопрос – должен ли один человек нести ответственность за другого. Но ответ наш категоричен: да, мы несем ответственность за успехи и неудачи наших детей, как мы несем ответственность за наших детей вообще. И ответственность эта связана с воспитанием, вернее, со способом воспитания, который выбирает каждый из нас. Я вспоминаю, что Лев Николаевич Толстой где-то писал, что он не видит смысла принимать участие в разговоре о воспитании детей, ему кажется очевидным, что взрослые просто должны жить честной, здоровой жизнью. И вопрос не в том, как воспитывать, а в том, как взрослые сами живут. Воспитывает атмосфера твоих самых близких: что толку говорить о праведности, если ребенок видит твою ежедневную мелкую или покрупнее ложь – в словах, в отношениях...

У Надежды Яковлевны Мандельштам есть любопытное наблюдение. Когда начались политические гонения на Мандельштама, они почувствовали, что знакомые стали отделяться или относятся к ним с опаской. И только по детям своих знакомых и друзей они могли судить наверняка, насколько искренне взрослые с ними общаются. Надежда Яковлевна с благодарностью вспоминала семью Виктора Борисовича Шкловского: когда кто-то из детей Шкловских открывал им дверь, она чувствовала, что в этом доме к ним испытывают самую открытую, самую бесстрашную дружбу. Ребенок – индикатор чистоты атмосферы во взрослой среде. Поэтому все, что с моим ребенком происходит, происходит от меня в конечном итоге.

Но при этом я не утверждаю, что дело только в этом – в том, чтобы родители жили, так сказать, правильно. Разумеется, иногда приходится что-то “подправить” в своем ребенке. Хотя что толку подправлять, если своим обыденным существованием внушаешь ему изо дня в день нечто иное. Так что в этом отношении я непримирим: я считаю, что все достижения и провалы моего ребенка – в отношениях с миром, со сверстниками – все они коренятся в том, какую жизнь наблюдает он дома, в какой атмосфере живет. Дети вольно или невольно переносят эту модель существования в свой мир. Так что главный вопрос их успеха и неудач – насколько жизнеспособна и, главное, справедлива сама модель моего, родительского, существования.

Я вообще в этих вопросах на компромисс не настроен. Я, например, считаю, что когда о человеке говорят, что у него дурной характер, – это всего-навсего эвфемизм. На самом деле подразумевается, что он плохо воспитан. Когда говорят о наследственности (разумеется, если речь не идет о физиологии), я и к этому отношусь осторожно. Не верю я в наследственность, которую нельзя было бы скорректировать воспитанием. То есть мой ответ таков: мы несем прямую ответственность за каждый шаг своих детей. |

НЕСЕМ ЛИ МЫ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?

Юрий Энтин

Всю жизнь я пишу стихи для детей и считаю свою аудиторию полноценными людьми, но только, как говорила одна героиня Чуковского, людьми “детскими”. И потому до совершеннолетия мы несем полную ответственность за все, что происходит с нашими детьми. Поскольку они еще “детские” люди. У меня четыре кошки и четыре собаки, и я наблюдаю, в каких отношениях со своим потомством находятся они, естественные, природные существа. Пока котята и щенки малы, родители отвечают за них полностью. Так что эта ответственность – полная и безапелляционная ответственность за наших детей, пока они дети, – от природы и, мне кажется, даже и не предмет для дебатов.

И совсем другие у нас выстраиваются отношения, когда дети вырастают. Необходимость отвечать за их поступки, успехи и неудачи столь же естественным образом отпадает, когда ребенок достигает совершеннолетия. Наше дело к этому возрасту подготовить его к персональной ответственности перед другими людьми. Он должен научиться отвечать за себя сам. В этом я убежден процентов на семьдесят. Кстати, это касается, скажем, и 16-летнего подростка. Если он получил от родителей некий багаж человеческой зрелости – он уже вполне может жить на свете самостоятельно.

Я говорю про 70 процентов потому, что все еще проясняю этот вопрос для себя. Например, я постоянно дискутирую по этому поводу со своей женой. У нее есть сын от первого брака, ему уже 38 лет. И она очень страдает по поводу некоторых его неудач, винит себя в них, в неудачах уж совсем взрослого человека. Мучается и относится к сыну как к ребенку... Я не говорю, что не надо волноваться. Надо! Но нельзя брать на себя ответственность за взрослого человека и держать его за школьника.

У меня-то опыт противоположный. У меня тоже от первого брака есть дочь. Я был приходящим папой – воспитывал ее на расстоянии. Пожалуй, мое воспитание дочери состояло не в том, что я ее “строил”, а в том, что она, кажется, всегда чувствовала, что в случае чего я наверняка приду на помощь. И росла она исключительно самостоятельным человеком, а я со стороны наблюдал за ее успехами. Ей сейчас 43 года и она получилась очень, очень удачным ребенком. У меня теперь уже трое внуков и все трое самостоятельны и растут без особых проблем.

Наверное, все, что я говорю, свидетельствует о том, что я сторонник, так сказать, западной модели отношений родителей и детей: мы должны сделать для них все, что можем и вложить в них, все, что необходимо. Но как только они вырастают, нам все-таки стоит отойти в сторону, радоваться их успехам, но не мучиться и не отвечать за их неудачи. Потому что человек лет в восемнадцать должен обрести себя полностью и полностью за себя отвечать.

|

КОГДА НАМ НЕОБХОДИМА ПОМОЩЬ... *светлана крицова — научный руководитель Центра социально-психологической адаптации детей и подростков “Генеzis”, кандидат психологических наук.*

Как просить о помощи? Просить ли вообще? А, может быть, не стоит затруднять людей, навязываясь им? Или, может быть, принять позицию тех, кто не просит, а... требует, считая, что люди не заслуживают его волнений. Как принимать помощь, если ее предлагают добровольно: благодарить, кланяться или ограничиться неразборчивым бормотанием? Эта очень сложная тема актуальной становится в весьма специфической ситуации — когда человек, чувствуя свою беспомощность, понимает, что ему нужны другие люди. Когда мы чувствуем себя неуверенно и тревожно, когда с доверием к миру возникают большие проблемы, потребность в помощи становится нам просто необходимой.

О навике истинной просьбы мы уже писали в первом номере нашего журнала. Тогда мы рассматривали просьбу как бы со стороны ситуации, говорили о том, как разные способы обращения воздействуют на разных людей. А со стороны личности? Почему истинная просьба считается “высоким пилотажем” и характеризует личность зрелую. Как в Нагорной проповеди: “Стучите и двери откроются, просите и получаете”, а тех, кто не жагает просить открыто, обвиняют в гордыне. Гордыня — само по себе очень интересное явление. Многие психологи, серьезно исследующие личность в двадцатом столетии, делали эту самую черту человека объектом своего интереса. Начал традицию Зигмунд Фрейд, у некоторых своих пациентов, людей с большими проблемами в отношениях с людьми, и самой собой, было и выделит невротические установки, которые отличались от здоровых установок тем, что не соответствовали реальности.

Ожидания, которым нельзя соответствовать, установки, которые не могут оправдаться, потому что противоречат законам жизни, могут испортить человеку немало мгновений, а иногда и всю жизнь. Это бывает, когда их много и они очень устойчивы вследствие тяжелых переживаний детства или в результате неконструктивного стили родительского воспитания. Поразительный факт: карени бы внешне не казались эти установки, они всегда по своей сути — гордыня. Карени Хорни, психоаналитик, ученица Фрейда так и называла их — **невротические претензии**. Эти неконструктивные концепции о жизни и о себе она описала в 1950 году, позднее, в восьмидесятые годы, в качестве основания для своей семейной психотерапии их использовала блистательный психотерапевт Вирджиния Сатир. Рассмотрим их глазами некоторые особенно яркие стили поведения людей в ситуации, когда человеку необходима помощь.

Клуб веселых и находчивых

«Люблю совместный труд для моей пользы...», — говорил Кот Матроскин. Том Соьер, Остап Бендер и иные из нас в минуты вдохновения умеют организовать преодоление собственных трудностей чужими силами. **“Наступило субботнее утро, и все в летнем мире дышало свежестью, сыяло и кипело жизнью. Том появился на тротуаре с ведром извести и длинной кистью, а дух погрузился в глубочайшую тоску. Тридцать ярдов дощатого забора в девять футов вышиной! Жизнь показалась ему пустой, а существование тяжелым бременем”**. Так начинается любимая история будущих менеджеров — о Томе Сойере, который красил забор. Заметим, что “ослепительное вдохновение” пришло к Тому как раз в тот момент, когда, потерпев несколько болезненных неудач, он чувствовал полнейшее отчаяние. Легкость, с которой он верил собственным фантазиям, его вера в успех, артистизм и... смелость — Том рисковал оказаться осмеянным и униженным — помогли ему найти помощников.

Остап Бендер, как мы помним, знал триста более или менее законных способов помощи себе и своему предприятию. Все виды этой “фасилитаторской”, вдохновляющей других на активность деятельности требовали одного непереносимого условия — громадной искренней веры в успех, более того — веры в счастливую судьбу. Поразительная закономерность — в помощники себя предлагают не столько тем, кто действительно нуждается в помощи, сколько веселым и находчивым, рискованным, бесстрашным, активным и обаятельным людям.

Обаяние личности вдохновителя — обязательное условие успеха. С харизмой, как известно, не рождаются, напротив, мы появляемся на свет с комплексом беспомощности. Из тех, кто особенно остро переживает в детстве свою несостоятельность, “прозрастают” путем самосовершенствования неотразимые, харизматичные персоны. Очарование харизматичной личности в том, что она подсудно транслирует каждому тайное послание: “Я великолепен, все любит меня, мир любит меня, судьба любит меня, я удачлив, мне везет. Верьте мне, любите меня, будьте моими помощниками — со мной повезет и вам!”

Приглядимся внимательнее к этому, на первый взгляд, идеальному создателю помощников, очаровательному, решительному и веселому.

Кажется, он родился в рубашке. Ему не надо даже просить о помощи, он получает ее, прикрываясь какой-нибудь великой идеей или грандиозным начинанием (переносит столицу в Нью-Васюки или выдвигает лозунги: поможем голодающим детям Поволжья). Но люди вокруг него не глупы, они догадываются, что их обманывают, но... подпадают очарованию личности. Когда нужно просить, он требует, как будто имеет на это полное право. Его нимало не смущает тот факт, что он говорит неправду — что уже давно до каких-то людей, рискнувших довериться ему. Главное — Его игра: “О, насладитесь бродить по краю, замрите, ангелы, смотрите, я играю...” Его любовь неверна, ему нужны новые зрители, обожатели и помощники, и он меняет их как перчатки.

Карен Хорни, подробно изучавшая такие — нарцисстические личности, отмечает в их характере много печали, говорит, что итоге их жизни — одиночество. Оно — следствие особенностей, которые программируют этих людей на бесконечное стремление к несуществующему придуманному идеалу. Мечта так манит, что делает их неразборчивыми в средствах. Для них вообще характерна переносимость идеи о применимости к любому случаю всех законов и правил. Мысль о том, что уже ждет та же участь, что и никого смертного, приводит к невротическим претензиям, суть которых проста — я не такой как все: более талантливый (умный, ранимый, несчастный, заслуживающий особого отношения судьбы), значит, мне положены особые условия.

Но оборотная сторона такого комплекса превосходства — комплекс неполноценности. Непереносимость чувства беспомощности и всех ситуаций, где с помощью энергии и энтузиазма ничего не изменишь, — вот что характерно для таких людей. В таких ситуациях, когда судьба “ставит такого человека на место”, он, как правило, и начинает нуждаться в настоящей помощи. Однако тогда он уже не окружен зрителями, и никто не видит его страданий, в памяти он все еще человек — счастливчик.

Когда нужно просить — он требует, как будто имеет на это полное право

Кроме нарцисстической личности, которая и не манипулирует даже другими людьми, а влияет на них силой уверенности в своей неотразимости, к людям, предпочитающим высокомерную позицию в общении (Вирджиния Сатир называла ее **обвиняющей** позицией), можно отнести **высокомерного мстителя** (термин К. Хорни), человека, жаждущего мстительного триумфа. В крайних формах, когда страх, любовь и чувство самосохранения перестают сдерживать его, мы видим коварного сумасшедшего, такого как Жан-Батист Гренуй из “Парфюмера” Зюскинда или Жюльен Сорель из “Красного и черного” Стендаля. “Он убежден, что каждый в глубине души недоброжелателен и нечестен, что дружеские жесты лицемерны, что мудрее всего никому не доверять, если не доказана его честность...” Он откровенно высокомерен, часто оскорбительно груб по отношению к другим, хотя иногда это скрыто тонким лоском обожливости. Тонко или грубо, осозанно или бессознательно он унижает других и эксплуатирует их”, — писала Карен Хорни. Такие люди вообще не умеют просить, они либо грубо манипулируют человеком, используя лесть и шантаж, либо приказывают и требуют.

Неуважение к другому в таком неравноправном общении приводит к тому, что навыв уверенной просьбы становится вообще недоступен: такие люди не могут вынести того факта, что согласие или несогласие на помощь остается не за ними, для них вообще характерна переносимость потери контроля. Отсутствие уважения к другому здесь зеркально отражает имеющееся в глубине души, тщательно замаскированное внешними успехами и продуктивностью отсутствие уважения к самому себе.

Еще один стиль — **перфекционист**, человек, во всем — в большом и в малом, достигающий совершенства. Он ставит для себя очень высокую жизненную планку, и ему кажется, что он, словно заключил сделку с жизнью: он сам безупречен, и она — по справедливости — должна быть благожелательна. Справедливого отношения он ожидает и со стороны других людей. Он контролирует жизнь с помощью своего совершенства, ему также проще требовать, чем просить, ибо мысль, что ему никто ничего не должен, невыносима. Его “конек” — правда, его манера — обезличенность и попытка подавать своими знаниями. Как пишет Вирджиния Сатир, он путает знание о нравственных законах со следованием им, полагая, что знания достаточно, чтобы быть хорошим человеком. Все измеряя знаниями и информированностью, этот тип личности подавляет других не в меньшей степени, чем два предыдущих.

Не смей просить, боясь навлечь неудовольствие другого

Эта манера поведения, на первый взгляд, отличается от предыдущих типов. Однако только на первый. **Зависимый, заискивающий** тип личности очень чувствителен к помощи. Он готов соглашаться, подкаивать и решать конфликты не в свою пользу, лишь бы приобрести в вашем лице покровителя, то есть могущественного помощника. Такие люди становятся идеальным дополнением коварных манипуляторов: “нарцисстических личностей”, “высокомерных мстителей” и “совершенных личностей”. Они готовы умолять о помощи, иногда они боятся навязываться, чтобы никого не затруднить, однако по большому счету за свое покорное поведение и самоуничижительное отношение к себе ожидают помощи от судьбы. Им невыносима мысль, что помощи может и не последовать. Карен Хорни пишет, что втайне они “презирают неудачников”, проповедя любовь и ненасилие, восхищаются сильными и начальными агрессорами. Эти люди легко обижаются и уверены, что другие к ним плохо относятся и должны понести наказание за причиненный вред. Они легко манипулируют другими с помощью собственного страдания: их просьбы нельзя не выполнить, ибо это вызовет острую и гневную обиду.

Мне, собственно, ничего особенно и не надо

При отстраненной позиции человек говорит: ничего мне ничего не надо, я обывал, у меня не получилось, но это неважно. Зачем вообще напрягаться, не очень то и хотелось. Такая позиция предполагает переносимость стараний, затрат специальных усилий. Если просьба такой личности сразу и немедленно не выполняется, если окружающие не смогли догадаться о просьбе по каким-то неясным намекам, такой человек возвращается к своей позиции: подумаешь, не очень-то и хотелось.

Вот, например, как по-разному будет звучать просьба у разных типов личности. Например, в такой ситуации: вы — отец и вам нужно попросить вашего сына-подростка вместо вас съездить к вашей больной матери, к бабушке.

НАРЦИССИЧЕСКАЯ разновидность обвинителя: “Спасибо, дорогой, что спросил о моих делах, ты же знаешь, как я ценю твое внимание. Я завтра приглашен на телевидение, представь. Я вижу, что ты удивлен, не надо удивляться, твой папа большой человек. Газеты пишут обо мне не реже раза в полугодие. А кстати, к бабушке завтра едешь ты, как ты сам понимаешь, извини, дружок”.

ОБВИНЯЯ “Что с тобой происходит? Перевясть ничего, не давай? Это не может продолжаться вечно. Пора начинать тебя оповещивать. Так, завтра к бабушке едешь ты. Не возражай. В нашей семье не может жить лоботряс и бездельник”.

“КОМПЬЮТЕР” (аналог перфекциониста): “Пятнадцатилетние молодые люди, особенно если они полагают, что в состоянии позаботиться о себе во время поездки в лагерь на зимние каникулы, одновременно должны быть способными позаботиться и о своих ближайших родственниках уже сегодня. Это аморально, когда взрослый внук не желает посещать свою больную бабушку. Что ты можешь сказать по этому поводу?”

ЗАИСКИВАЯ, тихим голосом с удрученным видом: “Извини меня, Дима, (Ваня, Жора), я хотел тебя спросить... только обещай, что не рассердишься. Нет, ты меня занят, я знаю, но только... может быть, ты мог в виде исключения заехать вместо меня завтра к бабушке, понимаешь, у меня неотложные дела на работе. Я не хотел тебя загружать... но я готов заплатить тебе, если хочешь”.

ОТСТРАНЕННЫЙ (обращаясь к другому сыну, стоящему рядом): “Скажи, Андрей, ты бы тоже отказался съездить к Анне Трофимовне, как это собирается сделать твой брат? Нет, ничего, просто я хожу, смотри, что тут у нас в доме вообще происходит... Скажи Диме, чтобы он зашел к маме, она на кухне”.

Вирджиния Сатир считает, что в самых худших чертах 50 процентов людей выбирают заискивающий тип реагирования, 30 процентов — обвиняющий, 15 процентов ведут себя как компьютеры, полпроцента — отстраненно и 4,5 процента — уравновешенно, то есть выбирают адекватный способ поведения.

Отношение к помощи проявляет отношение к жизни и судьбе

Все, кому особенно трудно принимать от жизни и от людей помощь, трудно просить о ней, обладая одной общей особенностью — они боятся реальности. Жизнь как бы решительно не соответствует их представлениям о ней. Чувство таких людей можно выразить словами одной из пациенток Карен Хорни: “Жизнь просто ужасна, она так полна реальности!” Невротические личности очень боятся и реальности о себе самих, они не выделяют себе быть такими, какими они могли бы быть “просто так”. Вместо этого они уравнивают для себя свой идеальный образ, и все силы тратят на его поддержание. В предложенной здесь типологии личности каждый тип боится чего-то своего.

Мы же описываем их здесь только по одной причине — подобно тому как в относительно здоровом человеческом теле есть в небольших количествах многие известные науке микробы и вирусы, некоторое количество страхов невротических личностей есть у всякого нормального человека, не чувствуящего себя невротиком. Страхи людей могут быть сформулированы например так:

1. Я могу совершить ошибку.
2. Кому-то это может не понравиться.
3. Кто-то меня раскритикует.
4. Могу подумать, что я высочка.
5. Они могут подумать, что я дефективный и т.д.

Побороть страх мешают наши претензии — мысли, которые влияют на всю нашу жизнь. Претензии — особые требования к судьбе, осязания, что жизнь при определенных обстоятельствах (моем хорошем, или, наоборот, плохом поведении) будет им соответствовать. Например, я буду любим всеми, кто знает меня, или жизнь будет такой, как я хочу, или судьба приведет меня к счастью и богатству, или я переживу бесподобный, грандиозный любовный опыт, или совсем большой фантазии: я никогда не умру, да все люди смертны, но я — особенный, я — не такой как все!

Вирджиния Сатир считает наиболее адекватным **уравновешенный стиль**, при котором человек ведет себя уважительно — с собой и к другим.

Способность уважать и составляет искусство жить, искусство принять то, что жизнь для тебя не делает исключений, ибо ты такой же, как другие люди. И вместе с тем в жизни может быть найден смысл, даже неприятные сюрпризы судьбы, даже ее удары содержат в себе возможность найти смысл для тебя. Примерно такая работа души соответствует усвоенно навыку уверенной просьбы или уравновешенному стилю просьбы: “Дима, сынок. Завтра моя очередь идти к бабушке. Но у меня совещание. Вручи, если сможешь, я не успеваю. Ты тоже? Тренировка? Что ж, это веская причина. У тебя нет каких-нибудь идей, что нам можно сделать?”

Но уравновешенный стиль невозможен без доверия к себе и к жизни.

доверие к себе и жизни

Доверие к себе — это возможность сказать и пережить следующее:

- Я уверен, что ошибки неизбежны в любом деле, особенно когда дело новое.
- Я абсолютно уверен, что всегда найдется кто-то, кому не понравится то, что я делаю. На вкус и цвет товарищей нет.
- Да, всегда найдется кто-то, кто будет критиковать меня, ведь я несовершенен, но и мне критика полезна.
- Каждый раз я, начиная что-то делать, высовываюсь, становлюсь видимым и следовательно, уязвимым. Но я переживу это. Пусть оценивают.
- Если я буду все время думать о том, чтобы быть безупречным, я не смогу ничего сделать и ничего не буду собой доволен.
- Я не совершенен, как и все остальные люди, я боюсь, как и все остальные. Поэтому я могу пробовать и рискну открыться для того опыта, который дает мне судьба. Я могу довериться своим способностям и знаниям, своему опыту и чувствам. Этого не так мало.

Доверие к миру

Надоело доверять только себе? Можно сесть на стул или в кресло и расслабиться. Или прилечь на диване, или сесть на ступ, или прислониться к дереву. И расслабившись, открыть себя ощущениям, идущим от этих соприкасающихся с нашим телом предметов: почувствовать кресло под собой. И позволить этим ощущениям отозваться в душе. И просить себя: вернется ли мне то, что я чувствую? И постигнуть в этот момент сущность кресла, и с изумлением понять, что оно создано для того, чтобы быть мне опорой. Когда “природа, прилагаясь к двойному плечению, раскочерит свои детские секреты”, навалит вдруг огромное облегчение, удовлетворение, покой. Все это, весь мир вещей вокруг меня существует для того, чтобы я мог опереться на них, сделать с ними то, для чего они существуют, уважать их сущность — как больше нравится. Мир уже помогает мне множеством способов, я могу опереться на него. И наконец, я могу опираться на все, что оказывает сопротивление!

Возможно, первый шаг по дороге доверия вы сделаете в отношении вещей. И уже эта мысль о том, что можно опираться на землю, клавиатуру, стол, ежечетник, ритуалы, записи, в сильной степени снимет напряжение, ведь это есть на самом деле. Разрешить можно опорами для себя — уже результат большой работы души.

Немного привыкнув к этому, можно рискнуть обратиться к людям. Конечно, они не так надежны, как вещи. Но многие из них готовы быть бескорыстными помощниками. Большинство же хотят помогать, движимые чувством благодарности. Поэтому простая истина: помогая другим, ты можешь в будущем надеяться на его помощь — не теряя своей актуальности многие века. Надеемся, но не более. Знаменитый исследователь волшебных сказок Владимир Пропп вывел архаичный персонаж — помощник, которые обязательно находят, если герой сказки вердет себя с ними по-человечески. Иванушка спасает жизнь медвежонку, отказавшись от него в качестве обеда. И вот уже есть кто-то, кто готов корчевать дуб, на котором висит желанный ларец. Даже Баба Яга может стать неоценимой помощницей, если вести себя с нею вежливо. Наверное, человечность потому и выживает в жестоком мире людей, что оказывается по большому счету самой выгодной позицией.

Конечно, невротические претензии в тех или иных пропорциях есть у любого из нас. А, стало быть, важно помнить, что, выбирая стиль поведения в духе Остапа Бендера, а иногда даже Жана-Батиста Гренуй, мы должны делать это с открытыми глазами. Что последует за этим выбором? Совесть может испортить радость от выигрыша? Ради чего все это затевается? Как отразится на окружающих (почему бы не спросить себя, как бы мне самому это понравилось)? Время от времени мы говорим себе: почему бы иногда не сыграть с доверяющими нам людьми во что-нибудь полезное, создаваемое для их же пользы, превратившись в настоящего Нарцисса? Но не навсегда, не навсегда! Так создается большинство хороших проектов: кто-то поверил, загорелся, посоветовался с судьбой, сказал: здесь мне должно повезти и начал собирать помощников. (Напомним, чтобы окружить себя помощниками, нужны как минимум: богатая фантазия, вера и кураж или настроя, или смелость — как больше нравится.) Кураж — особое состояние души, настроение, которое возникает от **большого доверия к миру и к себе**. Смелость пытаться, понимая, что существует реальный риск проиграть, готовность рисковать, чувство того, что это опасно, но это мне по плечу. (Это наполеону духовное, наполеону физиологическое чувство, которое иногда усиливается с помощью кофе или “ста грамм для храбрости”.)

А иногда почему бы не занять отстраненную позицию, вернее, похужою на нее твердую позицию: не надо помощи от мира, я справлюсь сам. Если человек не готов принимать помощь — то, как правило, потому что, либо хочет проверить свои собственные силы — и это прекрасно, особенно в юности, — либо боится быть использованным, связать себя обязательствами — и это уже проблема доверия. В отличие от доверчивости, **доверие является зрячим**. Оно трезво смотрит на ситуацию: кто, почему и каким образом предлагает тебе помощь и видит сопровождающий решение риск быть обманутым. Но также находит в себе мужество рисковать.

ПРИНИМАЯ ПОМОЩЬ, ТЫ КАЖДЫЙ РАЗ ПРОХОДИШЬ ПРОВЕРКУ НА ДОВЕРИЕ К МИРУ И К КАЖДОМУ СЕБЕ.

Шаг первый. Посмотрите на проблему вовне. Что в ней делает вас слабым?

“Есть большие проблемы, решение которых действительно очень важно для моего развития, для того, чтобы доказать или достигнуть. Но гораздо чаще нас берут в плен множество мелких забот, небольших, выполнимых, но их так много, так много. И есть также проблемы, которые люди называют “ударами судьбы”, смущая бы их не было. Но именно они проверяют нашу веру в людей, справедливости, и любовь”.

Второй шаг. Посмотрите внутрь себя, на свое **сопротивление**. Важно ли вам самому решить эту проблему, или вы можете попробовать поискать помощи (помощников)?

Вы считаете себя сверхчеловеком, поэтому все сделаете сами? Или напротив, вы считаете себя беспомощным, но боитесь навязываться? Или считаете, что вам **должны** помочь и без напоминаний?

Спросите себя, чего на самом деле вы боитесь? Пофантазируйте, что случится, если произойдет самое ужасное.

Проблемы, связанные с достижением, хорошо бы решать самостоятельно, не безгря опорой на все, что создано человечеством — от стульев до мирового опыта... Проблемы, связанные с ударами судьбы, тоже в конце концов прожигаются какым-либо, но с опорой на надежные связи с друзьями и близкими, с психотерапевтом, наконец. Что касается множества забот, то нужно не бояться делегировать их всем, кто может помочь.

Третий шаг. Ищите опору в себе и в мире. Даже если решение проблемы — ваше личное дело — ищите помощь вовне. Книги, советы, варианты чужих решений, уже проверенных опытом, — все это хорошие внешние опоры.

Если же решили передать часть забот кому-то, сделайте это, собрав в кулак все свое человеколюбие. Дети и ученики с готовностью идут в помощники, но не стоит ожидать такого же блестящего результата, как если бы вы сами делали это. Поэтому еще раз вернитесь ко второму шагу и спросите себя, почему вам так важен безупречный результат? Почему недостаточно просто хорошего результата? И почему так трудно принять философскую позицию: никто никому ничего не должен?

Четвертый шаг. Если же люди предлагают помощь, принимайте ее, предварительно еще раз посмотрев вовне: что за человек, почему помогает, есть ли у него для помощи реальная возможность и что от него можно ждать.

А затем дайте ситуации действовать на вас и послушайте отзвук в сердце, и озвучьте спасибо, которое идет из сердца, даже понимая, что реальной прагматической помощи будет немного, опонитесь на то чувство, которое обязательно возникнет: я не один, люди добры, пусть и не очень влиятельны, мир любит меня, я люблю людей, а значит, нам всем в этом деле обязательно повезет. |

■ Вирджиния Сатир.

Как строить себя и свою семью. — М., Педагогика-Пресс, 1992.

■ Карен Хорни.

Невроз и развитие личности. — М., Смысл, 1998.

О ПЕДАГОГИКЕ, КОТОРОЙ НЕТ

Владимир Ланцберг

- родился в 1948 году, окончила Саратовский политехнический институт и работал конструктором, пока во второй половине 70-х не познакомился с выдающимися деятелями андеграундной внешкольной педагогики. С тех пор Владимир Исаакович Ланцберг – педагог, социопсихолог. Руководил детским клубом, заведовал экспериментальной научной лабораторией, замещал директора по педагогической и научной работе в Центре реабилитации и социальной адаптации подростков. Его интерес сегодня: сравнительная педагогика и проектирование новых педагогических систем; мотивация саморазвития; реабилитация и социальная адаптация; детская самоуправление; работа с неформальным сообществом.

По совместительству – он член Союза российских писателей, литератор, автор и исполнитель песен (т.н. бард), отец пятерых довольно неплохих детей.

1.

Пощарил по словарям. Вроде бы она есть. Одни говорят, что это наука о воспитании. Другие предусмотрительно добавляют, мол, “и обучении”.

Наука у нас еще теплится. Хорошо проявленные на солнышке экономических реформ школьные учителя, питающиеся исключительно надеждами и оттого вечно молодые, не могли не “опрокинуться” на отраслевую науку, где ученые также влчат. Но какая-то мысль бьется, пульсирует! Выходят газеты и журналы. Копится передовой опыт. Бубнят тусовки, шестят пресс-конференции... А в топке учрежденческо-заведенческой педагогики куется человек нового типа. Тот, который выходит головастеньким, быстро сваливает, освобождая место под нещадно вялящим солнцем. А более крепенький организм поначалу остается, устраивая окружающим такую жизнь, что не свалить грешно. Для любителей старины выпускается еще и “типа совок” с заранее и навсегда выпученными глазами, как у витязя, не врубающегося в то самое распустье.

И это, что, продукция нашей “науки о воспитании (и обучении)”?

Да, то есть, нет. “Да” – в том смысле, что все наши детские сады и школы, детдома и летние стойбища, по старинке именуемые пионерлагерями, – все это так называемые педагогические системы. Предполагается, что в процессе пребывания в них происходит формирование личности ребенка. И ведут этот процесс педагоги.

Действительно, ведут. Процесс пребывания. А формирования? Иногда и этот ведут. Как – другой вопрос. Очень зависящий от того, кто. Но чаще личность произрастает не столько “благодаря”, сколько “вопреки”, а как правило, – вообще “помимо”, “невзирая на”.

Впрочем, “войдем в любимейшую дверь”.

Мы у порога родимой школы, которую не то чтобы любим, а прямо-таки забыть не можем. Сменилось тысячелетие. Что новенького? А ничего. Десять лет учили, потом одиннадцать, снова десять и, наконец, десять, но как бы одиннадцать. Будут учить двенадцать. Или как бы двенадцать?

Ну, была военная подготовка, потом не было, была, не было, была. Или есть?

Девочки вместе. Отдельно. Вместе, плюс Закон Божий. И этикет, этикет, этикет (или политес?), но учебные вилки воруют.

“Пение” переименовали в “музыку”. Это приятно. Много еще приятного. Войдем!

Десять тысяч одних “предметников”. Расписание рябит “дисциплинами”. То бишь, “и обучение”. А где же “и воспитание?” Ах, вот он, “классный час”! Вот, например, школа работает по системе “педагогика здоровья” какого-то дедушки из Анапы. Уроки начинаются с 9 часов, так что дети успевают не только дойти до школы, но и проснуться. Но это – “первые” уроки. А есть еще “нулевые”. Они проводятся каждый день и представляют собой факультативы с обязательной явкой к 8 часам утра. Среди них-то и жметесь стыдливо “классный час” – для воспитания.

Существует поверье, что воспитывать можно “вообще”. Примерно, как обучать, запиная в вяло сопротивляющегося ученика параграфы школьной программы. Нас, к примеру, накачивали примерами из жизни сверстников-героев, то Морозовых, то Матросовых. На смену им пришел Матроскин, личность аморальная, но обаятельная и куда более живая. Теперь вот Покемон...

Но воспитание без причины суть признак того же, что вызывает любые беспричинные извержения. Умная предметница “воспитанием вдруг” заниматься не будет. Она проведет мероприятие. Готовить его сама она тоже не будет, иначе не была бы умной предметницей. Она напряжет глупую отличницу, и та все сделает.

Вспоминаю самый яркий классный час в своей жизни. Отличниц не было, поэтому доклад по картине И. Е. Репина и И. К. Айвазовского “Пушкин у моря” готовила крепкая троечница Ниночка. При пустительстве “классручки-русачки” она все время повторяла: “В картине Айвазовского...”, “картину Айвазовского...”

Созрев, я спросил:

– А Репина?

– Что “Репина”?

– Ну, как, ведь он же Пушкина рисовал!

– А что – Пушкина?

– Пушкина! Репин рисовал!

– Но моря-то больше!

Аргумент Ниночки, подержанный “классручкой”, меня сразил насмерть: действительно, квадратных сантиметров, раскрашенных Иваном Константиновичем, было куда больше, чем обработанных Ильей Ефимовичем. Очки считались, нокауты игнорировались. А я просто не вник в правила игры.

Не надо быть умным, и даже не надо быть предметником, чтобы понимать, что отчитаться воспитанием нельзя, а мероприятием можно.

“Скушная” школьная жизнь несколько оживляется сведениями об очередных разбитых окнах, обнищенном кабинете информатики и пропавших куртках в гардеробе. Но в жанре расследования наш учитель не силен, а милиционер нетороплив. Не то, чтобы он неподкупен, скорее, неподвижен. Что дает школе моральное право и вовсе плыть по течению, изредка меняя замки. В итоге, кого и от чего воспитывать, непонятно.

Если же понятно, то бишь, гада застукали, профессиональный педагог вызывает в школу менее профессиональных, именуемых родителями виновника торжества, и популярно объясняет им, что есть их дитя, они сами и во что все это выльется. Что же и как конкретно делать, все равно никто никому сказать не может.

Интересна должность замдиректора школы по воспитательной работе. В одних школах на нее “бросают”, как в Политбюро ЦК “на жатву” – на сельское хозяйство, продовольственную программу, чтобы товарищ “спекся” и либо сам ушел, либо было за что уволить. В более тихих, вегетарианских заведениях это “кладбище погибших кораблей”, где, проводя осенние балы, можно дожужжать до пенсии. Диссертабельная тема!

И ведь существуют бумажки с подписями и печатями, настоятельно рекомендующие внедрить в сознание каждого учащегося понятие об ускорении свободного падения и даже его контрольные цифры! Но нет бумажек, вменяющих школе, например, “педагогичку сотрудничества”.

А можно представить, чтобы сотрудничество было, а ускорения не было? Теоретически – да: у нас все можно. И не такое бывало, спросите у кукурузоводов Беломорья. Так почему “и обучение” есть, а “и воспитания” нет – при всем при том, что одно не марзamatичнее другого?

“Так склалось”. Пошло от Коменского: эпоха заказала ему поголовную таблицу умножения. И это он, а не Форд, избрал конвейер, материализовал его в образе ленты. Но воспитание, даже в группе, – процесс, как ни крути, штучный.

Коменский нам, конечно, указ, но есть еще и альма-матери – педвузы. Более того, институтов уже не сыскать, сплошные университеты и академии. Небось, и учат там глубже и разностороннее. И есть там предмет “педагогика”.

Ну и что? Ни в годы перестроенного новаторопклонничества, ни позже, когда мода схлудна, а информация, наоборот, нога ужо и дойти до “низов”, мои вопросы к студентам, что им в имени Монтессори, Френе, Штайнера, Шаталова, Иванова, наконец? – вопросы эти оставались без ответа. Нет таких имен в вузовском курсе педагогики. Стало быть, и в ней самой. О Макаренко говорили, мол, вроде он хороший. Слух такой прошел. Знакомые школьные учителя признавались, что о Шетинине что-то слышали, но, говорят, у него много спорного...

Эти приятные для моего слуха разговоры я вел, в основном, с учеными, которые, увы, “слишком далеки от народа”! Их сближение ничем и никем официально не регламентировано. Лишь отдельные смельчаки педагогизируют вверенное им пространство на свой лад, страх и риск, ежеминутно ожидая удара пыльным мешком по голове.

А так – нету, нету педагогики в школе.

Может, в детском саду? Да, там ее побольше: жизнь бурлит, создавая коллизии, пригодные для осмысления и “разбора полетов”. Не поделили игрушки! Один друг оговял. Тот, разумеется, полез дратья. Вот оно, поле деятельности! Опять же, в этой конторе учебный процесс не на все наличное время претендует. И, хоть называется детсад “дошкольным образовательным учреждением”, все же главная персона в нем – воспитатель.

Но, вот жалость, разговор о системе общечеловеческих ценностей в саду возможен лишь в сугубо прикладном виде, в адаптированной, так сказать, форме. Обобщать трудно. Лучше бы позже, в школе, но там – см. выше...

Есть еще интернаты и детские дома. Их, конечно, много, но... мало: не часто мы встречаем человека, детство которого прошло в этой системе? Но если отбросить те из подобных заведений, которые видят задачу как-то продержат питомцев до выпуска, по возможности регулярно их кормя и следя за посещением школы (“человеческое лицо” заведения в этом смысле определяется наличием конкретных добросовестных воспитателей и нянь – и это вся педагогика)... Если скинуть со счетов гнездилища маньжков... Если из остатка вычесть учреждения, напоминающие 2-й дом детства в Старгороде... Много ли мы знаем детдомов и интернатов, где реально работает какая-либо педагогическая методика, есть коллектив воспитателей-единицементалитетов и, несмотря на это, детям еще и хорошо, и как велико их влияние на всю нашу образовательно-воспитательную сферу?

Помните лагеря “Орленок” начала 60-х, этот энтузиазм, творческий накал, песни и разговоры, светлые лица... Помните коммунарское движение и сотни клубов по всей стране. Мы, пятидесятилетние, помним. Сорокалетние – уже не очень: на их глазах завершался разгон этого разгула. Но еще теплились отдельные компании. В самом “Орленке”, искореженная и стерилизованная, умудрялась работать методика, пространством которой дети покидали плача. Где-то до сих пор можно увидеть “орлянский” круг, услышать “орлянтские” песни. Этот организм удалось оказалось труднее всего, настолько он получался жизнеспособным. Прочность фундамента определялась адекватностью и конструкцией, и материалами. Поразително: в государствене со скачонкой экономикой и противостоительной идеологией (не той, к какой, а той, какую давали) – возникла и устояла педагогическая система с **нормальными** характеристиками и параметрами, посылками и результатами. Требовалось – не мешать.

Но менялись времена и начальники. В конце 80-х “Орленок” заполнили странные люди. Они навезли дикие количества дикой масс-культуры, для которой пришлось освободить место. Педагогические потери оказались невосполнимыми; от этого нашествия лагеря не мог оправиться много лет.

И это – “Орленок”! Ординарное же “профсоюзное” пастбище это настольный теннис, “1-й отряд из воды, 2-й в воду!”, привес-прирост-понос в детской лирика жизнелюбивых вожатых по ночным кустам – дополнительное образование для особо одаренных школьников.

Иду в министерство: вот, мол, есть педагогическая идея. Кабинеты в восторге: концепция прекрасная! Вы чего-то хотели?

Экспериментальную школу.

Пожалуйста, пожалуйста! Вниз по лесенке до конца – к любому заврону. Который поддержит. А у нас рычагов нет: все туда отдали.

Министерство, которое не может провести эксперимент? Может, может. Иначе его бумажки не читались бы серьезными тетями “на местах” с таким серьезным видом. Не хочет. Нет мотивации. А педагогика?

Но то тут, то дворам замечаю, что она кое-где жива и пытается держать оборону. В основном – по дворым клубам. Имеется среди них процент, где работают не столько “образователи” (по туризму, макраме или “крестикам-воликам”), сколько “воспитатели”. Жизнь у них странная: отчетностью они не блещут и во многом зависят от того, сочувствует ли им начальство. Разумеется, сочувствует, иначе бы в этом подвальчике был не клуб, а магазин, склад или мастерская по изготовлению японских телевизоров.

Помню, собрало нас районное партийное руководство – инструктировать перед началом нового летнего сезона. “Мы” – это директора лагерей, начальники детских площадок и прочие коллегия-беделога. Нам был предъявлен несомненно-перечень запретов, из которых запомнилась такой: профессиональный поварам запрещалось готовить овощные салаты, то есть кормить детей резаными сырыми овощами. Видимо, были случаи сами понимаете чего.

После этого мы с нашим детским клубом (и несколькими не нашими – из Одессы, Москвы, Удмуртии) высидились в окрестностях Туапсе, где в щипце коммунарских сборов стали собирать яблоки в совхозе. Мы были ленивы, поэтому дети сами зарабатывали деньги, сами получали их у бригадира, тратили, готовили себе и нам еду. Овощи резали нещадно, потому что отказать себе в салатах было выше наших сил.

Приехало начальство – заврону, прославившийся тем, что слово “кстати” писал в два приема: “к” отдельно, при этом объясняя, как он это видит. С ним опытная Старуха Шапокляк и молодой, задорный карьерист (надо же кому-то работать!).

Наши палатки стояли красиво, на спусках тропинок были навешены перила. Посуда блестела, вымытая хлорамином, а туалеты были блещущи от хлорки (напр, внутри). Дети были веселые и в меру упитанные. Костю с перевязанной головой, тапоротой на сучок, и в желтой майке серого цвета (он был несколько консервативен в вопросах одежды) мы прятали в джунглях.

Начальство посмотрело и сказала:

– Молодцы, лагерь хороший, будем его закрывать. Послезавтра приедем – чтоб здесь ничего не было!

Журналист нас тогда ЦК комсомола, точнее, работавшие там знакомые знакомых вырвали “Комсомолки”. Звонок оттуда в горком партии познакомил все районные нормативы на салаты, и нас стало можно.

Потом грянула перестройка, и на закате своей карьеры этот заврону выпустил листовку о моем передовом педагогическом опыте и о том, какие мы с ним организовывали трудовые лагеря.

Так что есть педагогика. Кое-где. “Число этого мало”, как сказал поэт.

2.

А вот и педагог. Посмотрим на него поближе.

Он входит в класс, здоровается с детьми и начинает им рассказывать, что такое хорошо, а что такое плохо. Слова его западают глубоко в душу каждого ребенка. Тот все понимает и больше так не будет.

Шутка.

Ребенку все это не более интересно, чем ускорение свободного падения. Он думает о том, как на перемене избежать встречи с местным вымогателем Тюлькинм, двумя годами старше и классом младше. Сколько метров в секунду за секунду надо прибавить, чтобы Тюлькин не догнал, и где взять такие ресурсы.

Про ускорение ребенок еще бы послушал, так как предстоит вызов к доске, а может, и контрольная. Про воспитание ничего не предстоит, и надо быть idiotом, чтобы подобные вещи воспринимать всерьез.

Понятное дело, неспровоцированная, провидеть повышает стойкость паствы к проповеди актуальной, мотивированной, скажем, прочитанной по следам происшествия. Аудитория с закаленными ушами не воспримет ничего и никогда.

Какие еще средства воздействия, кроме воззваний и посланий, имеются у воспитующей стороны? Наказание. Оно создает дискомфорт, но редко приводит к раскаянию. Скорее, наоборот. Ли воспитание либо твердость характера, либо изворотливость, а чаще – и то, и это.

Что же, выходит, педагогика обречена на неуспех?

Да. Кроме случаев, когда она востребована... воспитуемым.

И такое бывает?

Бывает. Но сам он чаще всего этого не осознает. Он в это время занят другим – жизнью, которая ему интересна. А интересна ему та жизнь, в процессе которой удовлетворяются те или иные его потребности. Например, он жаждет могущества. Возмозности водить машину, влиять на других людей, зарабатывать деньги, которые можно тратить по своему усмотрению... Он хочет, чтобы взрослые считали его равным и уважали... Он много чего хочет, и далеко не все его желания преступны или порочны.

Но реальный расклад, увы, совсем иной: чаще всего он – игрушка. Игрушка своих родителей, уличной шпаны, знакомой девочки, которая сама – чья-то игрушка.

И он начинает метить – и тем, кто играет им самим, и вообще всему человечеству.

Вы уже вспомнили французский фильм с таким названием. Юному Эрику Коше отец подарил новую забаву, живую (что может быть слаще!) “куклу” – журналиста Перрэна, очень похожего на актера Пьера Ришара. Но у “куклы” свои представления о границах допустимого в области человеческого достоинства. Рано или поздно, сознательно или интуитивно он находит решение. Предлагает Эрику стать издателем, выпускать свою газету.

В подобные игры Эрик еще не играл. Выясняется, что это развлечение решает целую кучу его проблем. И Перрэн сразу становится ему нужен. Причем не столько как “человек два уха”, сколько как носитель знаний, технологий, представлений о положении дел в отрасли и обществе, а главное – носитель культуры.

ЗУНЫ (знания-умения-навыки, как расширяющая эту аббревиатуру педагоги) Эрику даются в полиния. В принципе, вся наша школьная программа доступна среднему делу и при наличии мотивации учения перестает быть чем-то неодолимым. Сложнее дело обстоит с усвоением культуры. Здесь урока матового, нужна жизненная практика, включающая ситуации нравственного свойства. И Перрэн превращается... да, да, в педагога! В его педагогике швов не видно. Он просто оказывается в нужное время в нужном месте. Если не считать того, что саму ситуацию создал и ведет он сам. Он заставляет (не “заставляя”) Эрика хотеть, а в процессе хотения предлагает единственно возможную в данном случае игру – по его, Перрэна, правилам. Правила прежде всего нравственные; они вытекают из реальной жизни, потому логичны и понятны. Так в сознании юного Коше ценности человека-игрушки начинают вытесняться общечеловеческими.

А где проповеди? Наказания?

А зачем? Какое отношение они имеют к педагогике?

Смею утверждать, что настоящая педагогика не видна. Конечно, “заточенный” взгляд профессионала ее обнаружит легко, но она не имеет права проявляться в явном, названном виде. Она заканчивается там, где начинается игра – в нее ли, в жизнь...Короче, там, где начинается обман. Она не требует мажорной и восковых фигур. В ней нет места действующей модели учителя, даже в натуральную величину.

Может ли она жить в школьном классе? Да, но надо переделывать класс. Ломать стенки, менять расположение парт, отключать звонки, наводнять пространство кошками, собаками, велосипедами, паяльниками, компьютерами...

И гнать, гнать надзирателя с многозначительно поднятым пальцем! |

ШКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ, ИЛИ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ "ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА!"

марина аромштам

– педагог и журналист, мама двух взрослых сыновей. До сих пор верит в чудеса.

Пятница. Вечер. Стирка, уборка, готовка – мягкое погружение в домашний быт: иногда успокаивает нервы. Все-таки перемена деятельности. И вдруг этот телефонный звонок.

– Извините за беспочвенность, но к кому же мне обратиться? Пропал кошелек. Деньги не Бог весте какие... Хотя тоже жалко. А вот паспорт.... Может, паспорт отдадут? Вы уж повляйте как-нибудь... Зачем им паспорт?..

Погружение сорвано. Мягкие объятия быта мгновенно разрушаются. Какой еще кошелек? Ничего не понимаю...

– Мой кошелек. Наверное, из ваших ребят кто-нибудь... Простите, из наших...

– Не может быть! Чтобы МОИ – стащили?..

Здесь необходима авторская ремарка. Когда меня спрашивают: “Как поживают ваши дети?”, я всегда уточняю: “Вы каких имеете в виду – личных или общественных?” Так вот, в данном случае речь идет о третьеклассниках, которых я учу. Очень хорошо учу, прямо-таки прекрасно. А уж как воспитываю! И чтобы у меня – у нас – таких хороших, вдохновенных и творческих, случилось что-нибудь в этом роде? Да я никогда в это не поверю.

– Помогите, пожалуйста...

Вдох-выдох... Не больно-то мы хорошие... И драки бывают, и оскорбления – это среди всех наших спектаклей-разговоров. Да и взять без спроса что-нибудь могут... Это, правда, давно было, в детском саду еще. Егор утащил как-то домой чужую машинку. Сначала одну, потом другую... Я тогда склонна была оценить ситуацию как “возрастную”. Скооперировались мы с Егоркиными родителями – людьми тонкими и умными, обсудили происшествие, поставили условие мальчишке: хочешь что-нибудь домой взять – попроси. А мы решим, можно или нельзя, и определим сроки, если можно. Тогда сработало... Но то все были игрушки. А это – настоящая, взрослая кража. Чужой кошелек. Не просто чужой – учительский!

Сколько раз мне приходилось слышать про такие случаи: учительница плачет в пустом классе. Пока выгораживала на педсовете очередного оболтуса, из сумки стащили кошелек с зарплатой. И в рыданиях – такое типичное для школьной жизни: “Для вас же, сволочи!”

А теперь – рядом. В.М. – наш учитель музыки. Добрый беззащитный человек, кормит двух больных одиноких женщин. Обед носит в баночках: рис и морковка – то ли суровая диета, то ли бедность непроходимая.

– Главная-то неприятность в чем? Паспорт там был, паспорт, понимаете? Может, хоть паспорт вернуть? За вознаграждение. Восстанавливать – это, знаете, морока такая... А деньги... Да Бог с ними, с деньгами-то...

И я обещаю, обещаю содействовать розыску, повесить объявление, поставить в известность школьного охранника, опросить свидетелей... В понедельник. Все, что от меня зависит, сделаю в понедельник. Ах, это классическое “Доживем до понедельника!”

Суббота. Снова звонок. На этот раз от одной из мам.

– Вы знаете, Марина Семеновна, моя Алина очень взволнована. Они с Наташей обратили внимание на то, что Оля что-то уж очень странно вела себя в буфете: всех угощала пирожными и предлагала купить, кто что хочет. А ведь раньше деньги у нее как будто не водились? (Да вы и сами все про семью их знаете.) Раньше она всех просила: купи мне да купи. Девочки стали спрашивать, что это она вдруг разбогатела. Она им сначала сказала, что ей деньги подарили. А потом, что кошелек нашла. И пошла им этот кошелек показывать. А они, девочки-то, говорят, что это кошелек учителя музыки вашего. Оля-то отпиралась, говорила, что не знает, чей кошелек. Да они видели – в кошельке паспорт лежит.

Пришли домой – и давай друг к другу бегать, обсуждать. И так уж возмущались, так возмущались... Говорят, у В.М. и так денег мало – это все знают. Вот и попросили меня позвонить... Хотя и боялись чего-то... Может, что на них подумают? Но не смолчали.

Так что вы уж сделайте что-нибудь...

– Сделаю, сделаю. Спасибо большое.

Значит, все-таки мои... Оля. Папа спившийся интеллигент, на инвалидности. Зарабатывает на жизнь семью мать. Оба – активные участники классной жизни – спектаклей, походов. Неприятно их расстраивать. Надо как-то потактичней сказать...

Одна радость, что деньги нашлись так легко. И паспорт этот многострадальный. Если, конечно, его для конспирации не выбросили.

Звоню Олиной маме.

– Анна Владимировна! У нас произошел очень неприятный случай. У В.М. пропал кошелек. Говорят, его видели у Оли. Поговорите с дочкой, только осторожно и без излишней нервности. Не думаю, что вам стоит делать из ситуации далеко идущие выводы. Единичные случаи детского воровства – это, в общем-то, явление в пределах нормы. Если отреагировать быстро и правильно, то пройдет и забудется. Главное, чтобы кошелек вернулся к хозяину. Я не думаю, что в Олином случае стоит выносить произошедшее на общественный суд. Полагаю, вы сами прекрасно с этим разберетесь.

Олина мама встревожена, но демонстрирует полное понимание. Вот и ладно...

Воскресенье. Олина мама перезвонила.

– Кошелек нашли. Паспорт на месте. Истраченные деньги возместили. Завтра все вернется к В.М., не беспокойтесь.

Хорошие люди – Олины родители. Значит, и правда, доживем до понедельника.

Понедельник. В понедельник В.М. забежал сообщить мне, что все утряслось. Радости особой он при этом не испытывал: три года учил Олю на скрипочке играть – и вот тебе результат воздействия святого искусства! Я попыталась сказать ему какие-то слова – мол, бывает, не надо абсолютизировать. Но, видно, он переживал не столько потерю денег, сколько унижение. Надеюсь, это как-нибудь заживет.

А, в общем, понедельник нормально прошел. Как обычный понедельник...

На выходе из школы меня поджидал Олин папа:

– Мы вернули кошелек, – сказал он медленно и членораздельно, с нажимом на слово вернули, – но мне бы хотелось посмотреть в лицо родителям этой девочки – Наташи, которая так ловко провела расследование!

– Что такое? В чем дело? – я уже расслабилась и не сразу поняла, о чем речь.

– Вы думаете, кошелек стащила Оля? Вовсе нет! Она мне все рассказала! Это Наташа его стащила. А Оле на хранение отдала – чтобы следы замести! И еще все шутила: давайте паспорт выкинем, чтобы никто ни о чем не догадался!

Господи мой Боже! Наташка? Вот ведь противная девчонка! Недаром у меня в последнее время с ней столько неприятностей: опаздываете, домашнее задание не сделала – врет! Но это не для Олиного папы. Для Олиного папы вопрос:

– А Оля-то, Оля зачем взяла этот кошелек?

– Как зачем? Вы же знаете: у нее сложности с ребятами. Ей хочется, чтобы девочки с ней дружили. А это – такое доверие! Общая тайна! И они ведь, девчонки эти – Наташка и другая какая-то – еще ей и говорили: “Ты возьми и поддержи у себя, пока нам деньги не понадобятся! А мы с тобой дружить будем, секреты всякие рассказывать”. Так вот я хочу в лицо этим родителям посмотреть, папе этой Наташки... Это как же они дочь воспитывают, что она готова другого заложить?..

В лицо своему папе Наташка, может, тоже хочет посмотреть, но ей – как и вам, дорогой, – это в ближайшем будущем не удастся (я отчего-то сильно раздражаюсь), потому как этот папа от ее мамы три месяца назад ушел. И вот Наташка дома плачет, не учится, плохо ест, а потом опаздывает и обманывает, что кот тетрадки описал:

– Не думаю, что сейчас нужно устраивать очные ставки родителям. Завтра я поговорю с обеими девочками.

И кто это придумал, что нужно дожить только до понедельника?..

Вторник. И как я только дожидла до конца урока? Давно не испытывала такой злости.

– Прошу всех погулять в коридоре. Оля и Наташа! Мне надо с вами поговорить.

Сели. Они рядом. Я – напротив.

– Я вас слушаю!

Технике допросов меня не учили. Но, наверное, это делается именно так: наехать, навальтась всем своим существом, эдак сверху вниз, смотреть неотвратимо пронзительно...

– А что, что вы слушаете?

Это Наташка.

– Слушаю историю о том, как Наташа отдала на хранение Оле чужой кошелек.

– Я так и знала! Я так и знала!

И сразу – в слезы. Это обычная реакция в последнее время.

– Что ты знала?

– Что вы не поверите! Не надо было мне ничего говорить! Но В.М. было жалко! У него и так денег нет!

Это все – сквозь ужасные рыдания. Значит, не Наташка?

– Оля?!

Пауза.

– Я тебя слушаю.

– Я не брала... (Наташка начинает рыдать еще сильнее.)

– Оля?!..

– Я взяла этот кошелек. Когда не было никого в классе, вошла и взяла.

– Какого же черта ты напелла своему отцу всю эту гадкую чушь?

Я обнимаю рыдающую Наташу, глажу ее по голове: бедное, бедное существо. Сколько же она должна была пережить за эти дни! Она “знала, что я ей не поверю”? Вот ужас-то... Как бы мне не разорвать на клочки эту глупую, нет – эту жуткую Ольгу! Это надо же – придумать такую изощренную версию получения кошелька! Вот уж не откажешь в развитой фантазии...

– Я считала, что можно не обнародовать происшествие. Я думала, ты, мама и папа сможете поговорить твой пестунок дома, и этого будет достаточно, чтобы ты никогда не работала в классе, где можно ради выгоды заложить, другого человека, продать за сухарик, и вообще – я уже ничего не могу. И читая я сегодня тоже не и объяснять ничего не смогу, потому что я живой человек, и что же мне говорить с ними про прекрасное, доброе, вечное, если кругом такое дерьмо...

– Ты так и сказала – “дерьмо”? – интересуется мой сын, когда вечером за ужином я пытаюсь пересказать свой монолог.

– Не уверена. Может, и нет. Надеюсь, что нет. Есть же синонимы...

– Попробуй подобрать, – ласково советует другой.

– А вообще-то тебя надо уволить, – подытоживает муж. – Не за “дерьмо”, а за отсутствие педагогической выдержки и такта. Ты подумала, как эта девочка – эта Оля – сможет завтра прийти в школу? Каково ей будет жить дальше в твоём классе?

– Но я же не могла по-другому... Что я должна была сделать? Мне казалось, я смягчила, как смогла... Я попробую исправить ситуацию.

– Сомневаюсь, что получится.

Среда. Милый диктофон, диктофончик мой! На тебя вся надежда. Сегодня я опять никого ничему не смогу учить... Через два дня контрольная работа. Наверное, меня, правда, надо уволить. А вот и Олина мама. Ждет меня у школьных ворот. Начинается...

– Марина Семеновна! Я все знаю. Оля рассказала. Мы, конечно, потрясены... Мы очень вас ценим, но Оле, наверное, лучше перейти в другую школу. Вряд ли ребята теперь захотят с ней общаться...

– Не надо торопиться с выводами. Поживем – увидим. Главное, чтобы вы правильно все пережили и осмыслили.

Надо же, я еще могу изображать рассудительную! Бедная Олина мама. Представляю себя на ее месте... Ну, диктофончик, выручалочка журналистская, не подведи!

– Сегодня мне хотелось бы вернуться к событиям вчерашнего дня. Наверное, каждый из вас об этом думал. Возможно, вы обсуждали что-то со своими домашними.

Мне очень важно, чтобы вы высказались. Попробуйте выразить свои ощущения. Только честно. Вы помните, что все высказывания записываются на пленку – это архив наших мыслей и переживаний.

Кто первый?

Вот первый:

– Я не понимаю, как можно взять чужое. Так стыдно! Взрослых за это сажают в тюрьму. Оле должно быть очень стыдно.

Звучит прямо, честно, но уж очень правильно. Оле, конечно же, стыдно.

Следующий:

– Я согласна с Петей: воровать стыдно. Но нам всем надо поскорее забыть об этой ситуации: Оля уже достаточно наказана. Я думаю, она все почувствовала.

И дальше – как прорыв плотины:

– Очень неприятно, когда на другого наговаривают. Нехорошо. Но со всеми бывает. Надо простить Олю. Я уверена, она больше никогда так не будет.

– Воровать плохо. Есть еще много плохого. Не давать друг другу руку – тоже плохо. Тот, кто без пары остался, ему же обидно очень. Оставить человека одиноким это же его толкнут на что-то плохое. Оля плохо сделала. Но она больше так не будет. Не будет никогда. Я уверена.

– Мы в буфете часто вкусности покупаем, потому что нам деньги дают. Но не всем дают. Оле, например, не дают. А некоторые смеются. Выходит, они тоже виноваты в этом – в том, что кошелек стащили. Воровать очень плохо. Но Оля больше не будет.

– Я тоже думаю, что не будет. (Это Наташа.) У В.М. ведь тоже мало денег. Нужно поставить себе памятник на место другого человека. Тогда, не сделавшись чужою плохой. А Оля не будет больше. И мы будем с ней дружить, потому что мы себя тоже на ее место поставить можем.

Оля перестала улыбаться. Теперь она готова заплакать. (Я, впрочем, тоже.) Значит, будем жить? Кризис миновал? Пожалуй, я даже смогу почитать им сегодня о чем-нибудь “добром и вечном”.

– Я рада, что каждый из вас высказал свое личное мнение. Всем вам спасибо. Признаюсь, вчера мне было очень плохо от всего произошедшего: будто я сама что-то своровала или кого-то оговорила. Я не могла смотреть на Олю – из-за Наташи. Но я ругала себя за это чувство. Я знала, что Оля ко всем нам очень привязана, и она не хочет поступать плохо. И я бы тоже хотела, чтобы мы больше не вспоминали о том, что произошло. Мы все получили урок.

Теперь надо улучшить момент и обнять эту поганку Ольгу: она очень в этом нуждается. Впрочем, я, кажется, не одинока в своих намерениях, и сегодня Оле достанется в буфете много вкусностей. Будто она именинница... Похоже, она и впрямь заново родилась...

– Знаете, я решила пока не увольняться, – сообщая я за ужином своей семье (явно разочарованной этим известием). – Я лишний раз убедилась, что у меня в классе учатся ЛЮДИ. У них даже ослаблено желание кого-нибудь живьем по моральным соображениям...

– Ты так и формулируешь им “принципы гуманизма”?

– Конечно, есть синонимы.

– Ну, подбери!

Эх, оболтусы-оглоеды! Оглоедки родные! Урок мы с вами получили. Да не тот! Что-то будем завтра делать на контрольной по математике?.. |

ПРЫГАЯ ПО ЧЕРЕСПОЛОСИЦЕ ВОЗРАСТОВ

сергей плахотников
35 лет. Он отец двух сыновей и хозяин собаки Дайны.
Директор образовательного центра “Азъ”, в котором всего один класс. Учитель литературы и английского. Молодой, высокий, красивый. Больше всего хочет работать на одной работе...

Угораздило меня в этом году работать не только в десятом и седьмом классах, но и в третьем, и в одиннадцатом. А еще попал я в “Семейку”, детско-родительское сообщество, где два раза в неделю по полтора часа мне приходится общаться по-английски с малышами от трех до пяти лет и их мамами, папами, бабушками и дедушками.

Если бы не финансовые трудности, как бы я был рад заниматься чем-то одним! А тут приходится крутиться как уж на сковородке. Устаю здорово. Вроде бы нагрузка почасовая небольшая, но как-то быстро выматываюсь.

Никак не мог понять, в чем тут дело. Думал, возраст или экология. А когда присмотрелся к тому, что делаю, то понял, что проблема действительно в возрасте. Но не в моем.

Иду на поводу “Семейка”: от трех до шести лет

«Семейку» придумала лет десять назад замечательная учительница начальных классов и моя наставница Лидия Константиновна Филякина. Идея несложна: в занятиях с малышами участвуют родители и не столько помогают своим чадам осваивать программу, но и сами учатся общаться с детьми – своими и чужими. Идея неслучайно, но небанальна и трудна в воплощении. Кому из педагогов охота работать при открытых дверях да еще делиться с родителями неделимой учительской инициативой?

Перед первым занятием я здорово волновался, долго готовился, искал подходящие программы по английскому для малышей.

Лидия Константиновна говорит, что малышам необходимо изучать иностранный язык хотя бы для того, чтобы разобраться со своими зубами, губами и языком. Глупо малышу (тоже, между прочим, носителю языка!) ставить звуки родной речи. Это даже унизительно. Нормальные карапузы после нескольких назидательных замечаний типа “говори правильно” начинают придумывать свой тарабарский язык. Я их хорошо понимаю – сам ненавижу, когда меня поправляют по поводу ударения (словесников же просто хлебом не корми, но дай поизмываться над просторечивым людом).

Оксфордские курсы “Toy box” и “Get ready” не подошли. Первый оказался сухим, второй – слишком сложным для малышей. Правда, первый подарил важный сквозной ход, а именно саму “toy box” – коробку с игрушками. Взял я картонную упаковку из-под лазерного принтера, обклеил ее цветной бумагой, цифрами и разноцветными силуэтами игрушек, положил в нее всеякие карточки со зверушками, посадил туда же позаимствованную у пятилетней племянницы мягкую куклу по имени Енек и отправился на свое первое занятие.

Ко мне пришли три группы с детьми и родителями, с каждой я трудился по полчаса.

Уже в первой группе случился конфуз. На десятой минуте кто-то из малышей, увидев доску и мел, уверенно заявил: “А я хочу рисовать”. Я понял, что это испытание нужно пережить достойно. На меня устремились сочувствующие взоры молодых и симпатичных мам, что придало храбрости, и я не менее уверенно, чем малыш пригласил всех к доске, взял мел и нарисовал собаку.

– Кто это? – спросил я. Дети молчали.

– Это собака, а dog! – торжественно сказал я. Дети молчали.

– Что, не похоже? – спросил я.

– Нет, – единодушно ответили малыши.

– Тогда рисуйте сами, – искренне обиделся я.

И они принялись рисовать. Вообще-то я рисую неплохо, а главное – быстро. Почему же эти четырехлетки не признали в моем пушистом существе друга человека? Может, в моем рисунке слишком много условностей?..

Но в детских шедеврах условностей оказалось еще больше. Если бы я не знал, что возникшие на доске яйца и палки – это собаки, ни за что б не догадался. И вот мы, словно на выставке, ходим вдоль доски и смотрим на этих чудовищ, восхищаясь красотой лап и ушей наших четвероногих и шестиногих друзей. Так мы выучили английское слово “dog”.

...А однажды на занятие пришла пятилетняя Аня – то левым боком повернется, то правым: “Вот какие у меня сержки, вот какое платье...” Измучила. У коробки почти никого не осталось, все девочки так Аню и облепили.

“Ну, нет, – подумал я. – Меня так просто не возьмешь, не на того напали”. Я отставил коробку, посадил на нее англоязычную куклу и давай нахваливать: “Wow! – сказал я. – It’s cool! It’s a wonderful dress. Where have you got it? You’re so beautiful!” Потом начал перод куклой хвалить туалеты других “дам”, показывая рукой на их бальные платья, в которых они пришли на нашу “party”, вечеринку.

Юные дамы стали прислушиваться, с недоумением разглядывая свои серенькие спортивные костюмы и джинсовые сарафаны. А потом поняли, в чем дело, подыграли. Так мы усвоили слово “beautiful”.

...Моя англоязычная кукла вечно приводила с собой друзей: то кошку, то собаку, то маленького оранжевого слоника, то мышку без хвоста. Всякий раз встреча была неожиданной и англоязычно радостной.

Прошло два месяца, и вот мои малыши начали приносить своих друзей. Теперь мне не надо напрягать своих родственников и соседей поиском новых “soft toys”, друзья приходят сами: тут и длинноногие Барби, и дракончики, лошадки, хрюшки, мишки, собачки – словом, всякой твари по паре.

Толк же приносит машины. Последний раз он приволок “Volks-wagen”, мою тайную детскую мечту. Представьте себе серебряного “жука” с открывающимися дверцами, капотом и багажником. Мы с Толиком здорово потолковали, даже перевели с немецкого, что значит название марки этого автомобиля, чем развеселили внимательно слушавших нас мам. Дело в том, что “Volkswagen” значит “народный автомобиль”.

...Моя жизнь в “Семейке” складывалась на удивление органично. Мне было интересно все, что было интересно малышам, а им со временем стало интересно то, что интересно мне.

Удивительный это, оказывается, возраст – от трех до пяти. Если вдруг взрослому приспичило чему-то научить этих малышей, то ему ничего не остается, как пойти у них на поводу и принять их образ мысли. Становящаяся “самость” ребенка требует нашего признания. То, что мы в ребенке принимаем за жадность, на самом деле может оказаться хозяйской жилкой, а любовь к ритуалам может в конце концов превратиться в привычку к порядку.

Удерживаюсь от морализаторства. Третьеклассники

Недавно прихожу в третий класс проводить все тот же английский. Перемена. Не успел переступить порог – слышу пронзительный девчачий визг, топот, и тут в живот мне врезается Таиркина голова. Хватаю голову за ухо и пытаюсь справиться с дыханием.

Потом выслушиваю банальные оправдания типа “Она первая начала!” или “А что, мне смотреть, когда меня бьют?”, “Мы играли, а она...”

Беру Таирку за руку и вывожу из класса. Сажусь на корточки и начинаю не менее банальный разговор: “Ты же мужик... Ну как можно так с девочками!.. У тебя папа так с мамой общается?..” Говорю, а самому стыдно – вижу, не доходят мои слова до адресата: я про драку, а он все “кто первый”, а кто “второй”...

Встал я, развел руками и отправился в класс.

Прошло минут пять – Таир не появился. Кто-то крикнул, что Таирка в туалете закрылся и никого не пускает.

Пошел я в туалет. Сидит мальчишка в углу и плачет. “Я плакать не хочу, а плачу... Почему это со мной, не знаю”, – бормочет он, всхлипывая. “Зато я знаю, – уверенно говорю я. – Это с нами, с мужиками, от чувства несправедливости бывает, когда мы не можем ничего изменить”. Смотрю – Таирка успокоился, притих.

На урок он не опоздал, прибежал прямо со звонком. “Раз такое дело, – думаю, – надо использовать ситуацию в мирных целях”.

– Кто умеет играть в шахматы? – спрашиваю. А сам-то знаю, что Таир занимается в шахматном клубе.

Человек пять подняли руки. Не густо.

– А кто знает, как конь ходит?

Подняли руки все.

– А ладья?

Кто-то крикнул, что наискосок, кто-то, что прямо. Мнения разошлись.

– Вот, – говорю. – А как нам узнать, как же на самом деле ладья ходит? Представьте, что каждый станет ходить, как хочет. Что же тогда будет? Так и до драки недалеко.

– Нужно спросить у учителя! – кричит Таир.

Пишу на доске его версию.

– Нужно в книге посмотреть! – кричит Олег, вытаскивая из портфеля самоучитель по шахматам.

Записываю и его версию на доску.

– Т-а-ак, – говорю. – А если мы в прятки играем, то где же нам правила взять? Если в шахматах такие споры возникают, то что говорить о прятках. Как быть?

– Нужно у водящего спросить!

– Самим придумать!

– У народа спросить! Все же в прятки в детстве играли.

– Инструкцию прочитать!..

Я записал все версии на доске, указав их авторов инициалами.

– А вдруг водящий свои правила изменит? Сначала у него одни правила, потом другие, – говорю я. – Неужели мы каждый раз по-новому играть будем?

– Нет! – снова кричат и мотают головами.

– Или мы будем инструкции с собой всякий раз носить – с прятками такими и сякими?

– Нет, – говорят, – не будем.

– Что же нам делать? – спрашиваю. – Ведь без правил у нас одни драки и неразбериха. Как можно начинать играть, когда у всех правила разные?.. Проблема...

На этой озадачивающей ноте мы закончили разговор и приступили к английскому. Урок пролетел незаметно. Ребята ходили по классу, выписывали новые слова, в парах сочиняли описания животных, лежа на полу, писали словарный диктант. Таир получил твердую тройку, из двенадцати слов точно написав ровно половину. Для второго диктанта на новую лексику это неплохо. А за окном класса летели крупные хлопья первого ноябрьского снега...

После уроков слышу в коридоре Олежкин голос: “Айда в снежки!”, а потом Таиркин: “Только давайте сначала о правилах договоримся!” Я подвился его рефлексии: сперва плакал и понимал, что не хочет плакать, теперь бежит играть и понимает, что не хочет снова сорваться на драку.

Такой это удивительный возраст, в котором непререкаемый авторитет учителя может рухнуть под гнетом густых и мелких требований, вводить программу, вводящие сомнения, что в школе закладываются те базовые отношения к миру и ближним, которые позже определяют не только выбор стратегии жизни, но и тот нравственный багаж, с которым человек выйдет в последующие возрасты. Ничто в человеке не умирает и никаду не девается, весь опыт жизни одновременно присутствует в нем. Цепочка значимых и мимолетных событий, выстроившихся в особую логику жизни, всегда определяет мой поступок и характер реакции. Скрытое присутствие всех предыдущих возрастов в возрасте настраивает человека замечать значимые для него вещи и проходить мимо вещей незначимых.

...Как-то на уроке педагогики в одиннадцатом классе я начертил на доске луч, имеющий начало в точке рождения. Ученики живо откликнулись на предложение разметить луч “возрастами” от рождения до 80 лет, поделив его таким образом на периоды.

Признаюсь, я не ожидал такого разброса версий. Но при всем том большинство из них все-таки имели общие точки: 7 лет, 18 и 25. Остальные вехи у многих были разными.

Интересно, что почти никто не поделил на части отрезок от рождения до семи лет. Видимо, он воспринимается старшекласниками неким дошкольным монолитом. Когда же мы начали подробнее разбираться, то для многих дошкольное детство вспомнилось более детальным и событийно насыщенным.

Практически все одиннадцатиклассники вспомнили, как строили из пилушек домики и как родители устраивали им нагоняя за беспорядок в комнате. Вспомнили, сколько радости им доставляло прятаться в этом рукотворном убежище, уносить с собой туда конфеты и печенье, и, зажигая фонарик, рассматривать книжки. Кто-то вспомнил, что постройка из подушек и покрывал была его конурой и строил ее бабушка принеся в дом, а кому-то – домом для желанной куклы Барби. Кто-то из девочек сказал, что она строила такие домики до десяти лет и что ей запрещали этим заниматься, поскольку места в квартире было мало...

Похожесть удивляла. Но не менее удивительным оказалось общение обеще впечатление от осознания собственной непохожести на взрослых. Один юноша рассказал, как в четыре года был уверен, что может подняться отцовскую гирю, а когда поднялся, то расплакался, поняв, что он не такой сильный, как отец. Кто-то из девочек был сильно обижен на маму, которая запретила смотреть вечером фильм вместе со взрослыми, а ей казалось, что раз можно взрослому, то можно и ей...

Похожих воспоминаний оказалось много, и именно они позволили обозначить рубежи трех и пяти лет с характерными комментариями к ним. Чем больше одиннадцатиклассники разговаривали, тем интересней и глубже становились темы. И вот, когда мы обсуждали возно в песочнице детей трех-четырёх лет, вдруг одна девочка сказала: “А я до сих пор мысленно делю парту на две части. До седьмого класса проводила карандашом линию, особенно тогда, когда меня сажали с мальчишками, а теперь локтем толкаю. Неужели я так и осталась в четырехлетнем возрасте?”

Вопрос повис в воздухе, но догадка стала подарком для многих в классе. Я слышал несколько разговоров, темой которых был возраст, в котором они остались, не разрешив какие-то авторенческие проблемы. Кто-то говорил про первые влюбленности в третьем и про овантюрные поездки через весь город в пятом. Кто-то вспомнил про первую ложь. Кто-то говорил о школьном возрасте вообще...

Находясь среди детей самых разных возрастов, я здорово устаю, и, прыгая по этой возрастной чересполосице, боюсь, что подчас теряю возрастную ориентир.

Семиклассник, к примеру, ждет от меня конкретного рецепта, рассчитывая на мою умелость, а я развожу философию.

И, наоборот, давая старшекласнику конкретный поучительный совет, я теряю его интерес.

При этом озадаченный мной ученик начальной школы доверяет мне и очень хочет соответствовать тем правилам, которые я, по сути, и не вводил.]

НА ПОЛЯХ УРОКА

анатолій берштейн

“На полях урока” – фрагменты из записной книжки учителя. Но не учительский дневник. Дневник подразумевает, что пишется в прямом эфире. В данном случае – пока работаете с детьми. Но когда работаете с детьми, времени нет. А это фрагменты из записной книжки бывшего учителя. Анатолий Берштейн проработал в школе 20 лет и ушел, когда масса сомнений превысила уровень ответственности.

Пробовали ли вы воспитать себя? Вспомните: сколько раз начинали новую жизнь с понедельника, сколько раз совершали один и те же ошибки, несмотря на их тщательный анализ, сколько раз эмоции и характер оказывались сильнее наших договоренностей с самим собой... Так сможем ли мы воспитать другого?..

Пока учитель не нажил с ребенком совместный кусок жизни, неуместно навязывать к нему в опеку, нелепо на него за что-нибудь обижаться, невозможно от него требовать чего-то более, чем выученный урок или аккуратное ведение дневника.

Чудес в педагогике не бывает. Если произошло “чудо”, значит, ищи слепого или шарлатана. Воспитание может помешать, затормозить естественный ход событий, а может и помочь вовремя и менее болезненно выздороветь. Но чаще всего оно просто не при чем. Никто не помогал “гадкому утенку” превратиться в лебедя. Просто пришло время и случилось то, что должно было случиться.

Педагогика – не сказки Андерсена.

Если все же учительская стрела попала в цель, значит, повезло. Не мы такие уж меткие, а мишень подходящая.

Воспитание не имеет особых примет, но оставляет знаки. Как хамелеон маскируется под среду обитания.

Воспитание – не эликсир жизни. Скорее, прививка от заразных болезней или иммуностимулятор, но без стопроцентной гарантии.

Воспитание, как наждачная бумага, стирает ржавчину, но не родимые пятна. При этом оставляя шрамы, как особую татуировку, по которой при желании можно определить – кто ты и какого рода–племени.

“Учитель – тоже человек”. Дети этого не понимают. Для них учитель – или обычный учитель, или необычный человек. Человек – почетное звание, которое дети присуждают учителю.

То, что подвластно воспитанию, и составляет его прямое назначение.

Не надо бояться детей. У них больше оснований бояться нас. Поняв это, не нужно эксплуатировать их страх. Преодолев свой, важно не потерять стыд.

Дистанцию с учеником устанавливаем не только мы, но и они, двигаясь навстречу. Нельзя преодолевать их часть пути.

Не переживающий учитель – что пустая смоковница – не плодоносит.

Воспитание научит говорить “спасибо”, но не сможет научить чувствовать благодарность.

Дети выбирают нас точно так же, как и мы их. Мы находим друг друга, потому что нужны друг другу.

Чтобы помочь ребенку перейти на другую культурную орбиту, в иное нравственно-ценностное измерение, ему нужно создать, а вернее, познакомить его с соответствующей средой, частью которой он захочет стать и будет иметь возможность там находиться. Без этого, без среды, вы не сможете стать его ракетой-носителем. И в лучшем (или худшем?) случае, выглоткнете на обочину его собственной среды, которую он уже сам к этому времени перестает уважать, но в другую не попадает. Поэтому, если не подготовили среду, не рассказывайте сказки о путешествиях к звездам. Надо помочь ребенку создавать альтернативу, а не разрушать среду его обитания. Создание – совместный процесс. Разрушение – индивидуальный. Построить мы можем вместе, но разрушить он должен сам.

Воспитание не обслуживает чьих-то целей. Оно происходит в процессе взаимодействия, обучения, совместного ученичества с детьми. Оно возникает из всякой всячины. Оно будит интерес. Оно вообще пробуждает. Там, где есть цель, есть насилие. Нет цели, но есть интерес – это начало строительства.

Мы все время предупреждаем сами себя: осторожнее, не навреди. И как будто правильно делаем. Ибо лучше, чтобы не получилось, чем получилось плохо. Но все время сомневаясь, копаясь в себе на практике невозможно. Неуверенность парализует, сжигает впустую энергию. Что делать с этим очевидным противоречием? Просто признать его.

Если учитель не испытывает счастья общения с детьми, душевного комфорта и чувства привязанности к ним, то, к сожалению, он ошибся профессией.

Не надо стесняться хвалить детей. Будем стесняться, когда придется наказывать. Хвалить – всегда прилюдно, наказывать – один на один.

Зависимость людей друг от друга – привязанность. Часто учитель и ученик делят судьбу пополам только кожей собой. Мир на двоих. Узкий мир, в котором поначалу не тесно и кажется, что он вечен. Сиамские близнецы. Тем мучительные разрыв, который неизбежен.

Подросток находится как бы в предбаннике взрослой жизни. При нем раздеваются, но с собой за закрытую дверь не берут. Поэтому он и подглядывает и домысливает в меру собственного воображения.

У подрастающих людей есть одна особенность: они хотят быть лучше, чем им приходится быть. Желание, кстати, с возрастом пропадает. Они нормально живут, как все. Но, конечно, хотят по-другому. Вопрос – только смогут ли? Вот так, по-другому, хотят многие, но без посторонней помощи справятся единицы. В защите, умном совете, чутком участии нуждается подавляющее большинство.

Что бы ни произошло, что бы ни сделал ребенок, не отворачивайтесь, сохраните хотя бы минимум понимания между вами. Если он плачет, не кричите – вор, если совершил подлость, не кричите – подлец. Вообще – не кричите и не клеймите.

Продолжайте диалог. Разговаривайте...

Настоящий учитель умеет разговаривать с детьми. Главный секрет – это пропитка слов.

Нужно ли лезть человеку в душу? Только в том случае, если вы готовы помочь. Это единственное, что может быть, вас оправдает.

Безда некоторых учителей в том, что они путаются в приоритетах, ставят свои амбиции на первое место. Тогда случается, что мы перестаем быть востребованными. Что же касается детей, то они никогда не отпихивают, если подойти к ним с умом, тактом и добрым намерением. Более того, они рассчитывают на нашу помощь. А мы порой боимся или не успеваем, или просто не умеем ее оказать.

Не нужно провоцировать детей исповедоваться нам. Исповедь – не очистительная рвота, чтобы ее выважить искусственно. Обычно признания ребенка носят болезненный, стыдный характер, а наше скорбное молчание не облегчает душу. Но в обмен на откровения дети порой жертвуют нами, не желая больше видеть тех, кто невольно доставил им боль и ощущение срамоты.

Учитель–переводчик с языка своих внутренних переживаний и страстных монологов с самим собой на разговорный адаптивный язык с учеником, при этом не теряющий ни в содержании, ни в значимости.

В учительстве, если не понимать его вульгарно-педагогически, есть некая иррациональность, хаос страстей. А вот сама педагогика, наборот, рациональна, упорядочена. И получается, что с детьми общаются, условно говоря, и педагоги, и учителя, то есть прообразы сразу двух стихий. С одной стороны – это яркие невротики, неспособные справиться с переплюющимися им эмоциями, романтики-идеалисты, проповедники, порой пожирющие свою паству, а порой, приносящие себя им в жертву. С другой – умные и не очень, маломощные, но полезные тети и дяди, вызывающие то благодарность, то равнодушие, то раздражение.

Учителя переживают на протяжении всего процесса общения с детьми. Педагоги трезво оценивают свою работу по результатам. Учителя, как яркие кометы, завораживают, но и предрекают опасность. Педагоги добросовестно трудятся, хотя иногда навевают откровенную скуку. Учителя взрываются изнутри. Педагоги умирают от старости. Учителя могут реинкарнироваться в педагогов. Педагоги никогда не станут учителями.

Учительская стезя – удел немногих. Жертвенных и талантливых. В учительском деле намного больше интуиции и импровизации, чем ремесла и технологий. Хороших учителей по определению мало. Но еще меньше тех, кто обходится без их помощи.

Идеальные представления об учителе и учительском долге, честно говоря, приходят на ум, когда мы вне детей. Как только мы с ними, получается по-другому.

В современном мире родители и учителя сохраняют все меньше прав на указательный палец.

Учителя для учеников – мы не учителя для их родителей.

Подросток по своей природе накопитель: нужных и ненужных знаний, чужих мнений, опыта собственных ошибок. Поэтому не надо его до поры до времени осуждать за потребительство. Придет срок, он начнет отдавать.

“Не в коня корм” – на самом деле не бывает. Идет только в корме. А о нем должен позаботиться ближестоящий взрослый.

Удивляются: почему учителя так пристрастны и уделяют больше времени сложным, неухоженным, неуютным детям. Именно потому, что они в нас нуждаются гораздо больше, чем остальные. И наша главная заслуга будет заключаться в том, чтобы этим детям, наконец, раз в жизни крупно повезло. И таким везением в жизни была бы их встреча с нами.

Самосовершенствование не всегда предусматривает какие-то специальные эксперименты над собой и обязательную сосредоточенность. Во многом наоборот. Пытаться помочь стать лучше другим, обязательно становишься лучше сам.

Когда ученик не преодолевает какой-то важный жизненный барьер, на который вы его нацелили, вам бывает грустно, а иногда немного обидно, что учителя пропали, а надежды не оправдались. Но когда планка взята, событие состоялось, ученик пошел по вами очерченному пути, становится страшно. Ибо теперь вы не сможете снять с себя груз ответственности или освободиться от чувства вины, если на этом пути он потерпит неудачу.

Есть, собственно, три вектора развития человека: вверх, вглубь и вширь. Задачи воспитания: поднять голову ребенка к небу, помочь оглядеться вокруг и “обратить глаза зрячками внутрь”. Кому что нужно.

Надо уважать выбор детей. Но в тех случаях, когда это сознательный выбор или очевидная предрасположенность, сильный интерес или раскрывающийся талант. А в большинстве случаев поведение детей – не результат их выбора, а следствие влияния каких-то временных обстоятельств. Тогда учитель может, а иногда и должен включиться в соревнование, а порой и в борьбу за право стать одним из, а может быть, и определяющим обстоятельством в жизни ребенка.

Может ли учитель относиться к детям по-доброму, отзывчиво, деликатно, терпеливо, а к взрослым – жестоко, равнодушно и даже грубо? Это есть, для детей – один человек, для остальных – другой. В этом случае есть глубокое подозрение, что чрезмерная любовь к детям у этих людей такая же sentimentalная, как у тех любителей кошек и собак, которые ради “братьев меньших” готовы уничтожить “братьев старших”.

Предоставить ребенка самому себе, значит, предоставить его жизни. А это не востов во время. Туда без проводника лучше не соваться. И он обязательно найдет. Только вот в “внештатные учителя” почему-то врут, по преимуществу, отрицательные персонажи. Или я, или никто – не получится. Или я, или они. И тогда из двух зол надо выбирать меньшее – себя.

Человек – не таблица Менделеева. У каждого свой набор элементов. Иногда после долгих лабораторных изысканий удается создать что-то искусственное, но, как правило, живет это очень недолго – всего несколько секунд.

Поэтому задача воспитателя – найти все мало-мальски лучшее, что есть в конкретном человеке, и всячески способствовать развитию. А также заботиться об обстоятельствах, в которых он созревает. И, несмотря ни на что, противодействовать дурному. Победить не победит, но разгуляться не даст.

Одно из важных различий между родителями и учителями в том, что родители хотят, чтобы их дети поскорее повзрослели, а учителя нередко наоборот. Родители хотят, пока есть силы, помочь детям обрести самостоятельность, а потом еще пожить немного для себя и чтобы дети при этом не были обузой. И еще родители хотят дождаться того момента, когда их дети достигнут успеха, станут сильными, и тогда появится уверенность, что на старости лет им самим есть от кому ждать помощи и защиты.

Учителя же хотят все время заботиться о детях сами. Ибо в этом для многих из них и заключается смысл жизни. И вполне естественно невольно они не хотят, чтобы их ученики взрослели. Наверное, тут и боюсь потерять свою востребованность, свою власть над ними, страх, что вместо благодарности их ждет забвение и одиночество.

Если учитель любит в детях только учеников, значит, на самом деле он не любит никого и ничего, кроме своего учительства.

Ученики вырастают и становятся взрослыми. Учителя всегда остаются учителями. Ученики упывают на время, учителя – на свои привилегии. Когда они встречаются спустя много лет после школы, учителя, хотя и переходят иногда из-за растерянности на “вы”, но вскоре вполне позволяют себе и привычный снисходительный тон, и назидательность, и так хорошо известную учительскую фамильярность. Не боясь получить нечто подобное в ответ. “Мы – не неприкасаемые” – думают о себе учителя. Не прости, от которых шарахаются, но не подтроги, которых бояться обидеть, которым все простят и не причинят вреда. Они вне правил. У них иммунитет, неприкосновенность. Они заслужили.

Такое самоощущение – не очередное заблуждение найвных учителей, не еще одна иллюзия. Учитель просто играет по неким неписаным правилам профессии. По ним играют и бывшие ученики. Это их совместная, сугубо клубная игра. Вовне, в “жизни”, те и другие играют по-другому – по-разному, – как сложится.

Самая важная нравственная задача учителя – пройти путь от себя к детям.

Наивное, в чем-то даже глуповатое – для взрослого, ребенку – в самый раз.

Самая короткая дорога – воспитание поэтапное, с остановками. То, что мы хотим от ребенка, поцане разложить, распределить по частям. Придет время, и если они были правильно поданы (преподнесены), из них сложится цель и прочность его будет гарантирована.

Дети, как наркотик. Учителя привыкают к ним, иногда превышая дозу... А учителя для детей – всего лишь витаминны.

Чувствовать к себе внимание подростку всегда приятно, и всегда благодарен за привязанность и любовь к нему взрослого его почти всегда тяготят.

Почему так трудно просто общаться с детьми, в которых было вложено столько усилий в надежде на что-то более сложное? Потому что обидно! Как увидишь его, так эта обида сразу, несмотря на все препоны, всякое волевое сопротивление пробивается: ведь как все же жалко... Получается: и он – как постоянный укор, и мы – как вечный упрек. Хотя никто не виноват. Мы вытасили лотерейный билет без выигрыша, рыбу без икры, игрушку без сюрприза. А он... так сразу родился. В чем-то способный, к чему-то восприимчивый, но не к тому, что мы от него хотим. Природа не откликнулась.

Иногда, проявляя активное внимание к ребенку, навязывая ему свои услуги, мы достигаем обратного эффекта: он не идет навстречу, а отстраняется и демонстративно их отвергает. Слишком легко и неделикатно предлагают. Слишком неловко неинтересно принимать.

Что такое школярство? Это когда ученик смотрит учителю в рот, а не в глаза или себе в душу.

Ребенок стремится во взрослую жизнь – к свободе. Других преимуществ в ней нет.

Как-то в Индии российские туристы, оказавшись рядом с закланателем змей, записали исполняемому им музыку на магнитофон. И когда змея легла, включили записанную музыку, но кобра неотреагировала.

Однажды, проработав с детьми в живую, учитель не сможет потом использовать фонограмму. Весь секрет живой педагогики заключается в том, что каждый раз перед учителем не типовая, а именной ребенок. И на нем нельзя бездумно обкатывать апробированные приемы и заимствованные методики. Только индивидуально: с сердцем, с риском, с магией.

Что из людей, встретившихся на жизненном пути человека, окажется его настоящим учителем – вопрос личной удачи. Сам учитель может даже не увидеть, что сыграл в чужей судьбе существенную, а может быть, и решающую роль. И это высшее учительское достижение – не заметить содеянного.

Есть определенное, практически не передаваемое словами ощущение педагогической профессии изнутри. Можно сколько угодно размышлять о ней, создавать те или иные модели педагогического поведения, вырабатывать холодным умом педагогический стиль... Но все не нужно, если в душе есть огонь, и все наоборот, если его нет.

Нельзя педагогику разложить на атомы, педагогическую деятельность расчлнить на смыслы и подвергнуть структурному анализу, а педагогический процесс свести к банальной химической реакции.

Педагогика иррациональна. В ней вообще не действуют законы таблицы Менделеева. И человеческие отношения невозможно выразить в виде химического уравнения: то количество коэффициентов не совпадает или то, что по логике должно выпаст в осадок, наборот, может неожиданно улетучиться как газ.

Через десять лет работы с детьми многие романтики, пришедшие в школу, разочаровываются в своих результатах или устают от эмоционального перенапряжения или собственных сомнений. Выждав паузу (в отрыве или без отрыва от детей), успокаиваются, переосмысливают свой опыт и начинают все как заново. Жалко, если они придут к детям с новой иллюзией, что теперь знают, как надо учить и воспитывать, как правильно выстраивать отношения, и в каком направлении совершенствоваться. Ведь главное в том, что спустя эти десять лет к детям вернулся не другой учитель, но другой человек. Очень похожий, но другой. Он ничего специально не декларирует, не дает торжественных обещаний, что-то сделать или не делать этого никогда: он не выстраивает план на каждый день и не следит специально за каждым своим шагом. Он просто органически многое делает по-другому. В тех же обстоятельствах, с тем же порывом, но не как прежде... Ишь же... взглянув со стороны, он удивляется: надо же! А раньше же... а вот теперь... надо же... Но он не делает ничего специально “на злобу дня” или “после работы над ошибками”. Он делает именно так, потому что теперь не может сделать иначе.

Учительский страх – плата за активное участие в судьбах других людей. Страх – это симптом. Но в отличие от боли, сигнализирующей о болезни, страх в учительской профессии фиксирует нормальную способность. Его надо терпеть и ни в коем случае не заглушать. В противном случае происходит сбой во всей системе безопасности.

Учитель в принципе не может быть неудачником. Как и врач.

К сожалению, многие учителя меньше отдают детям, чем берут от них. И все же – отдают. Потому что самоутверждаться легче всего не через власть, а через покровительство и благодеяние.

Почему учителя остаются в школе? Не только из-за любви к детям или безысходности. Но еще – как горожане на даче – из-за чистого воздуха, относительного покоя и душевного равновесия.

Бывает так, что учитель все трудится, трудится, перерабатывает, перерабатывает горную породу... И гога как будто еще вкручивается, и техника все более совершенная, но вот беда – руды больше нет. Пусто.

Безусловно, есть, как принято говорить, педагогически запущенные дети: те, кто не только был обделен воспитанием, сколько подвергнут испытанию дурным. К сожалению, точно в таком же смысле есть педагогически запущенные учителя.

...А бьвают учителя, самовлюбленные в детей.

“Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой”. Некоторые учителя учат иначе: “Поступай с другими так, как если бы хотел, чтобы поступали с тобой”. Эта максима подталкивает, что нужно делать, а не что не нужно делать. Поступать подталкивает к действию, когда в воспитании, в жизни вообще важнее бывает бездействие в неверном направлении, чем действие в правильном.

Учитель любит представляться взрослобником. Это такая игра: “Я все могу для своих детей”. Иногда получается. Игра превращается в страсть, где победы и поражения волнуют сильнее, чем в обычном соревновании. Особенно, конечно, переживаются поражения. Как будто вдруг пропадает волшебная сила: отсырела борода старика Хоттабыча, украли волшебную лампу Аладдина... Сказка как бы господствует над жизнью. Учитель-волшебник (часто сам того не желая) затягивает своего ученика в реальную жизнь и обыкновенных человеческих возможностей. Развращает мечтой легкого взмаха волшебной палочки. Но сказка оборачивается не быдло, а болью. Так всегда бывает, когда чары рассеиваются.

Поклонение ребенку – внутреннее чувство учителя, приоритет взрослого, его установочная цель. Есть компас, чтобы не сбиться с основного маршрута и не начать обслуживать самого себя.

Оставить их всех в покое или вмешаться в их жизнь, брать на себя ответственность или пустить все на самотек, служить или руководить, быть в первую очередь учителем на дистанции или человеком доверии.

В какой-то момент вдруг начинаешь понимать, что все эти мучительные вопросы имеют на самом деле частный и несущественный характер. Существенным кажется лишь одно – не очень задумываясь над этими вопросами, а просто быть с учениками естественным. Обижаться, когда видишь, радваться, когда есть повод, не бояться познания, когда захочется, но уйти, когда надоест, остаться, когда считаешь нужным, терпеть или не терпеть их хамство и любовь, не стесняться любить самому...

И не забывать, что есть еще и они – и они тоже: скажут или не скажут, захотят или не захотят, вернуться или бросят...

Поэтому не надо рассчитывать только на себя и за себя. Вообще не нужно рассчитывать.

Мы идем по жизни, выстраивая собственную судьбу с детьми, но это наш путь и наш выбор. А дети – они рядом, с нами вместе, но на каком-то отрезке своего пути. Они наблюдают за нами. Как мы живем, как общаемся, что думаем, о чем переживаем... И чем больше мы открыты и искренны для своих временных попутчиков, тем лучше.

Одно из отличительных качеств профессионального педагога – умение рассказывать. Иногда среди них встречаются блестящие рассказчики. Рассказывать для учителей привычно и в удочество. У них получается – красиво и популярно. Без претенциозного косноязычия. Их речь, гладкая, как галька, отшлифованная образным материалом. Прекрасно скользит по поверхности. Иногда завораживает. Прыг, прыг... еще раз прыг... И камнем на дно.

Понаблюдайте: когда учитель с детьми, он почти постоянно говорит, а они внимают (внемлют). Редко, к сожалению, можно увидеть картину наоборот.

Через пять лет педагогической работы в школе вышел у меня спор с бывшим одноклассником, проработавшим это время в интернате для детей-сирот. Он говорил, что самое важное – это вовремя вытерпеть ребенку нос перед сном, а когда тот вырастет, “пробить жильце”, помочь устроиться на работу, не попасть в психушку и тому подобно. Я, конечно, понимал и не отрицал, что это важно, но самое главное, казалось мне, все-таки – воспитание хороших людей. Я был уверен, что можно и нужно научить культуре поведения (воспитанности), дружбе (вовариществу), доброте (отзывчивости). Мне казалось, что через интеллект можно выправить многие огрехи природы (характера), воспитания (семьи), нравов (социальных привычек). А у моего приятеля лексиконе наиболее часто встречались слова: интеллект, культура, личность... А у моего приятеля основное слово – забота. Я пытался быть просвещенным монархом для своих детей, а он верой и правдой служил им и охранял. Разные поколения.

Длинная учительская судьба состоит из нескольких педагогических жизней. Сколько в каждую из них вложено любви и труда, сколько было надежд, ошибок и сомнений – от всего этого зависит педагогическая реинкарнация. В результате кто-то потом будет в умилении рассматривать старые фотографии, вспоминая далекое учительское прошлое, а кто-то, как и двадцать и тридцать лет назад, аккуратно расписывается в ученических дневниках, задерживаясь после работы на дополнительные занятия и брать на дом на проверку увесистую пачку детских тетрадок.

Вы замечали, что незнакомые дети, будь то на улице, или на отдыхе, больше всего обращают внимание на учителей. Как будто знают, что эти взрослые – учителя. И не потому, что у них примечательная внешность, и не потому, что они сами порой выглядят неадекватно, по привычке заглядываются на детей, и не потому, что, согласно расхожему мифу, дети особо чувствительны. Просто у них есть особый нюх на себе подобных. Как у собак на собачников. От нас тоже “детьми пахнет”. |

НЕСЕМ ЛИ МЫ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?

лев николаев

Конечно, соблазн ответить: “Да, мы ответственны и за удачи, и за неудачи наших детей” – велик. Но все, по-моему, не так просто. Мы несем ответственность прежде всего за свою жизнь, за то, насколько она верна и честна: тут много может быть положительных определений – мы живем. Если ты несеешь ответственность за свою жизнь, если твоя жизнь хоть как-то приближается к этическому идеалу, это, безусловно, может быть истоком успеха твоего ребенка. То есть первична наша, родителей, ответственность за себя.

Воспитание детей всегда штучная работа. И наверное, им помогают какие-то наши установки. Но знаете, мне трудно представить, чтобы сейчас в продвинутой молодежной среде были кому-то нужны родительские подсказки. Образ жизни в семье – вот что важно. Либо самой своей вполне обыденной жизнью ты создаешь атмосферу настоящего глубокого уважения в семье, либо... либо атмосфера будет иной. И никак, кроме как образом ежедневной жизни, на это не повлияешь.

Но что такое успех и что такое неудача? Все очень, очень относительно.

Вокруг нашей семьи, вокруг деда, моих обеих дочерей всегда были замечательные, действительно замечательные люди – наши друзья. Но этот круг, наш дружеский круг, в котором девочки выросли, задал такую высокую планку, так повысил их критерии в оценке людей, что им подчас было... неинтересно, а порой и просто сложно со сверстниками. У меня не было серьезных проблем с дочерьми, но у них – в силу сформированного нами своего рода перфекционизма в отношении окружающих – эти проблемы возникали. Проблемы, а не драмы. Сверстники действительно порой их разочаровывали. И мои просьбы не оценивать всех людей по соответствию столь высоко закрепленным планкам никаких результатов не дали. Оказалось, дочери уже не могли планку снизить...

Кроме того, мы старались предохранить девочек от каких-то клише, свойственных общественному сознанию, от мертвых установок. Например, о семейной жизни, о карьере... Я не исключаю, что, утвердив их в мысли, что в жизни должна быть свобода выбора, что двигаться по однажды проложенным рельсам они не обязаны... разве этим я облегчил им жизнь? Разве я не несу ответственности за ухабы, возникшие на их пути без рельсов? Другой вопрос, что, отвечая за своего ребенка, мы должны подготовить его к тому, чтобы он сам мог нести ответственность за себя.

А уж что связано с выбором профессии – тут связь уж совсем очевидна. Круг интересов моих детей подвергся существенному влиянию с моей стороны. Вообще когда родители вводят детей в свою работу, это помогает детям определиться, но интересно, что это еще и чрезвычайно организует отношения в доме. Так что тут уж я ответственен за выбор своих девочек процентов на девяносто. Они сейчас работают со мной – над нашей передачей “Цивилизация”. |

**ТЕЛЕВИЗОР:
НАСТАВНИК И
ЗЕРКАЛО** | *Сергей Степанов*

Давно стали штампом сетования на “тлетворное влияние современного телевидения на подрастающее поколение”. В качестве аргумента принято ссылаться на результаты научных исследований. Как правило, ссылки звучат так: “Психологи установили, что просмотр телепередач со сценами насилия резко повышает агрессивность детей и подростков”. Ну а раз психологи установили, значит, так оно и есть и сомнению не подлежит. Правда, для специалиста бесполезно разобраться, что же это за психологи и каковы настоящие результаты их наблюдений, на которые так безапелляционно ссылаются журналисты и общественные деятели.

Одно из первых исследований такого рода, взбудоражившее общественное мнение, было проведено в начале шестидесятых Альбертом Бандурой и сразу выдвинуло его в разряд психологических “звезд”. 22 января 1963 года *Journal of Abnormal Psychology* опубликовал его статью “Имитация моделей агрессивного поведения” с описанием довольно несложного эксперимента. Двум группам детей предлагалось поиграть с незамысловатой надувной куклой по прозвищу Бобо. Предварительно им демонстрировался кинофильм. Специфика опыта состояла в том, что контрольная группа смотрела фильм нейтрального содержания, а экспериментальная – фильм, насыщенный сценами насилия. Нетрудно догадаться, каково пришлось бедной Бобо в экспериментальной группе.

Из полученных результатов Бандура сделал печальный вывод: демонстрация насилия на экране формирует у детей приемы деструктивного поведения. Следующий вывод напрашивался сам собой: ради блага детей необходим контроль за содержанием телепередач, дабы свести на нет провокационное воздействие агрессивных сюжетов.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все психологи приняли выводы Бандуры. По поводу полученных им результатов возникло несколько гипотез, которые обсуждаются по сей день. Было высказано сомнение в том, насколько корректно обобщать данные конкретного опыта. Вспышка агрессивности, последовавшая за просмотром соответствующего сюжета, может быть расценена как ситуативная эмоциональная реакция, а не как свидетельство закрепления негативных поведенческих стереотипов. Киносюжет можно расценить не как модель для усвоения, а как провокацию, своего рода катализатор. Согласно этой гипотезе, жестокие сцены становятся стимулом для появления импульсов агрессивности. У некоторых людей такие сцены как бы отключают внутренние тормоза по принципу катализатора, присутствие которого способно ускорять химическую реакцию.

В разнообразных модификациях исследования, подобные экспериментам Бандуры, были многократно повторены на протяжении последних десятилетий. Некоторые ученые считают, что их результаты вполне подтверждают гипотезу начала шестидесятых. Иные возражают: достоверно установленным можно считать лишь наличие корреляции, что вовсе не однозначно свидетельствует о причинно-следственной зависимости агрессивного поведения от сцен насилия.

В ряде исследований, например в опытах Каплана и Сингера 1976 года, была выдвинута и, казалось бы, подтверждена противоположная гипотеза: демонстрация ребенку сцен насилия вызывает у него уменьшение агрессивности. При виде таких сцен происходит ослабление агрессивной напряженности – своего рода катарсис. Правда, такой подход подвергается массивной критике. Э.Аронсон в своей известной книге “Общественное животное” указывает: отмеченные таким образом изменения в поведении свидетельствуют только о формировании более спокойного и терпимого отношения к насилию, что само по себе вряд ли можно считать ценным личностным приобретением.

Так или иначе, на качестве телепрограмм за последнюю четверть века эта дискуссия заметно не сказалась. Типичную позицию высказал Джо Уизан, продюсер кровавых боевиков: “Воздействие на общество? Я и не задумываюсь об этом. У психологов нет ответов, почему же их должен иметь я?”

Здравый смысл подсказывает, что жестокость на экране если и не влияет непосредственно на формирование личности, то и ни к чему хорошему привести не может. Многие педагоги согласятся: стычки школьников, еще несколько лет назад напоминавшие безобидную возню, сегодня часто бывают похожи на поединок кикбоксеров и порой заканчиваются увечьями (ведь это только в кино после удара ногой в живот можно вскочить как ни в чем не бывало). Нет сомнений, что соответствующие приемы ребята заимствуют у кинокумиров. Однако было бы слишком просто свалить всю вину на “безнравственное” ТВ.

Ведь телевидение не столько формирует общественные настроения, сколько им потакает. Телемагнаты, опираясь на рейтинг той или иной программы, стремятся показывать то, что пользуется наибольшим успехом и привлекает самую массовую аудиторию. При этом остается без ответа важный вопрос: отчего же стрельбы, мордобой и пытки так милы зрительскому взору? Тот, кто сумеет на него убедительно ответить, вероятно, затмит славу Бандуры. |

КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ НАС СЛЫШАЛИ

Маргарита Жамкочьян

– психолог, много лет занимается взаимоотношениями родителей и детей. Сама мама двух уже взрослых детей. Считает, что все проблемы, возникающие в семье с детьми, так или иначе зависят (упираются в) язык (коммуникацию), на котором с ними разговаривают.

/ Окончание. Начало в пятом номере

Пришла пора подумать и о нас, родителях. Сказано уже немало о том, на что стоит обратить внимание, – о признании детских чувств, о разрешении конфликтов и замене наказания, о свободном развитии, когда тебя не оценивают. Мы так стараемся, чтобы детям было хорошо. Но ведь и мы – родители тоже люди. Мы так тоже умеем чувствовать, мы тоже испытываем злость, гнев, ревность и чувство вины. Сможем ли мы освободить ребенка, если не освободимся сами?

Рассказывая об автономии, мы столкнулись с переживаниями родителей, которым нравится, когда они чувствуют, как нужны своим детям. Они не готовы расставаться с этим чувством и иногда, сами того не осознавая, делают все, чтобы закрепить зависимость детей. А когда обнаруживают, что у ребенка возникли проблемы, расстраиваются.

Когда ребенок впервые настаивает на своей автономии и самостоятельности – знаменитый кризис трехлеток, – он выделяет себя из фона, где они с матерью были одним целым. Он начинает говорить о себе в первом, а не в третьем лице. “Я сам”. Это явление сопоставимо с фактом познавательного развития в младенчестве, когда приблизительно на двадцать первый день жизни ребенок научается выделять фигуру из фона и первый раз улыбается. Выделение себя из социального фона дается гораздо труднее. И вместо радости часто появляются совсем другие чувства. Ребенок чувствует себя **ВИДИМЫМ**. На него смотрят, его видят. И если мы делаем и перedefируем за него всю работу (застегиваем его пуговицы, завязываем его шнурки) – здесь мы совершенны, а у него получается плохо, ему становится стыдно. Его несовершенство открыто всем. И тогда на этой возрастной стадии, как считает американский психолог Эрик Эрикссон, развивается чувство стыда и сомнения, рождается нерешительность. А могли бы развиться независимость и самостоятельность. Все дело в наших взаимоотношениях: как мы их построим, так и будем жить.

Давно уже нет в живых Доктора Джайнотта, шестидесятника и гуманиста, который предложил не только идею, но и технологию, **ЯЗЫК** освобождающих взаимоотношений родителей и ребенка. “Нет плохих родителей, есть плохая коммуникация”, – часто говорил он, – “То, чем мы занимаемся, лежит **между** детьми и родителями”.

Вернем время вспять и послушаем диалог двух мам, которые только что побывали на очередной встрече-семинаре с Доктором Джайноттом. Он незримо присутствует за их спинами, и время от времени доносится его голос.

“Элен позвонила мне и попросила разрешения заскочить ненадолго. Она была очень взволнована и заговорила с порога:

– Джен, я не знаю, что ты на это скажешь, но я едва смогла усидеть на вчерашней лекции. Мне казалось, что каждое слово доктора Джайнотта предназначалось именно мне. Когда он сказал: “Одна из наших задач – помочь нашим детям отделиться от нас”, – я подумала: “Это очевидно. Никто не хочет держать у своей юбки великодушного сынка лет этак до тридцати”. Но затем он продолжил: “Отличительная черта хороших родителей – то, что они не стараются решать и делать все за своих детей”. У меня все вздрогнуло внутри: если это черта хороших родителей, я никуда не погжусь.

С другой стороны, если я делаю слишком много за своих детей, то только потому, что я действительно верю, что это все для их же блага. Если Билли забыл свой завтрак, и я принесу его в школу, он останется голодным. Если я не натаскаю Лори перед диктантом, она напишет его плохо, получит плохую оценку и потеряет веру в себя.

Вдруг она резко повернулась ко мне: “Что же я делаю такого ужасного? Разве не для того существуют родители, чтобы помогать своим детям и защищать их? Но слушая, как доктор Джайнотт повторяет снова и снова, что мы больше всего помогаем, не помогая, я уже не так уверена”.

Наконец Элен прошла в комнату: “Но кто сказал, что он прав, – бормотала она, – специалисты тоже ошибаются! Может быть, и есть какие-то вещи, которые дети могли бы делать сами. Билли уже семь, а он каждое утро приходит ко мне и протягивает расческу. Он прекрасно может сам причесаться, но когда это делаю я, он выглядит таким симпатичным. Неужели такие невинные вещи могут их сделать менее автономными?”

Автономия! Я была в таком состоянии после этой лекции, что пошла искать в словаре это слово. Думала, что точное определение снимет мои сомнения. Но я ошиблась. В толковом словаре написано, что “автономия” означает самоуправление, внутреннюю определенность, отдельность. Это описание, конечно, не подходит моим детям. Они до сих пор каждый день спрашивают меня, что им одеть в школу, и что еще хуже, я до сих пор им это говорю”.

“Элен, – сказала я, – ты слишком уж на себя нападаешь!” Но она меня не слушала: “Описание, которое лучше всего подходит моим детям, – это управляемые матерью, направляемые матерью и живущие по материнским командам. Иногда я чувствую себя так тесно с ними связанной, что не знаю, где кончаюсь я и где начинаются они. Лори получила 5 баллов за диктант, а мне казалось, что их получила я. Билли не взяли в спортивную команду, а я чувствовала, что не взяли меня”.

Элен тяжело опустилась на диван. Я уселась рядом. Мы обе мрачно уставились в пол. Я не знала, что сказать.

– Элен, может быть, мне достать свои записи, вдруг они помогут?

– Твои записи! – воскликнула она. – Знаешь, почему я пришла к тебе? Потому что видела, как легко ты позволяешь детям брать какие-то дела на себя. Я помню, как однажды зимой Джил вернулась домой в одном спортивном костюме. Если бы это была Лора, я бы взвилась и стала требовать ответа, почему она не оделась тепло. А ты – нет. Джил заявила: “Мамочка, водитель школьного автобуса сказал, что мне попадет дома. Что ты собираешься сделать со мной?” Я никогда не забуду твоего ответа. Очень спокойно ты сказала: “В такой холодный день я ожидала от тебя, что ты догадаешься надеть пальто!”

И еще был случай. Дэвид примчался домой с криком: “Я опять забыл дома скринку. Это уже третий раз подряд. Ты должна напоминать мне об этом каждый четверг!” Но ты просто кивнула сочувственно и сказала что-то вроде: “Трудно запомнить про эти дополнительные занятия, да, Дэвид? Но я знаю тебя. Так или иначе, ты найдешь способ запомнить”. Ты знаешь, как поступила бы я? Я бы написала себе записку аршинными буквами, чтобы не забыть напоминать ему о скринке каждый четверг. И что меня поражает, ты ведьшь себя совершенно естественно”.

Я слушала Элен с интересом. Было ли это естественно для меня? И почему это так? Я попыталась вспомнить свое детство. Мои родители были эмигрантами – много работали, всегда были заняты. Им было нелегко кормить и одевать нас. Они ожидали от нас, что все остальное мы будем делать для себя сами. И мы делали. Мы сами ходили в библиотеку, сами ездили куда нужно на метро или автобусе, сами справлялись со своими школьными проблемами. Родителям оставалось только подписывать наши таблицы. Мои родители оказали мне огромную услугу. Они не пытались специально организовать нашу жизнь, чтобы дать мне автономию, скорее, они даже не знали, что это такое, но как бы то ни было, я получила свободу.

Я рассказала об этом Элен.

– Ты понимаешь, какой подарок ты получила от них? – воскликнула она. – Мое детство было совершенно другое. Я должна была отчитываться перед матерью абсолютно во всем: что надеваю, что получаю, с кем дружу. Даже когда я повзросела и ходила на свидания, мои родители дожидались меня, чтобы получить полный отчет. Без этого они просто не ложились спать.

– Я тебе сочувствую! Наверное, это трудно было вынести.

– Нет, на самом деле я просто не знала другой жизни. Но теперь я вижу, что воспитание в твоей семье дало тебе преимущество. Тебе предоставили независимость, вот почему тебе так легко передать это своим детям.

– Во многом мне помог доктор Джайнотт. Я всегда думала, например, что ни один вопрос ребенка не должен оставаться без ответа. Только после того как доктор Джайнотт рассказал нам о том, как нуждаются дети в пространстве и воздухе, чтобы проверить свои собственные мысли, и как взрослые с их готовыми ответами посягают на право ребенка думать, я начала осаживать себя, удерживаясь от немедленного ответа.

Первый раз мне было очень тяжело сознательно не ответить на вопрос. Дэвид спросил: “Как ты думаешь, Джимми и Томми смогут когда-нибудь ладить друг с другом? Они сегодня шли из школы вместе со мной и все время дрались”. Я лихорадочно анализировала характеры этих двух мальчиков, да еще с прицелом на будущее, когда вдруг вспомнила и прикусила язык. “Это интересный вопрос, – сказала я Дэвиду. – И что ты об этом думаешь?” Он помолчал немного, а затем сказал: “Я думаю, что сначала они будут драться, а потом подружатся”.

Элен смотрела на меня с таким напряженным ожиданием, что я решила продолжать.

– Ты помнишь историю, которую рассказывал доктор Джайнотт о муже, который не разрешал своей жене научиться водить машину? “Дорогая, – говорил он ей, – нет никакой необходимости забывать себе всем этим голову. Пока я рядом, тебе стоит только попросить, и я с удовольствием отвезу тебя, куда захочешь”.

Я поставила себя на место этой женщины и вдруг как-то сразу поняла, как чувствуют себя дети, когда мы ограничиваем их, пытаемся влиять за них. И еще я подумала о тысяче маленьких уловок, с помощью которых родители дают детям почувствовать себя беспомощными и зависимыми. И всегда только из любви: “Мама вскроет эту банку для тебя, дорогая!”, “Ну дай мне застегнуть тебе эту пуговку, солнышко!”, “Я уложила твои вещи, дорогой!”. Это всегда звучит так невинно, ведь у родителей самые лучшие намерения, но все это только для того, чтобы внушить: ты “нуждаешься в маме, ты не можешь справиться сам”.

Элен, ты хорошо знаешь, как я раньше выкладывалась каждое утро, отправляя детей в школу! Разве могли они без моей помощи собрать свои завтраки, книжки, очки, перчатки, деньги и сапожки. Мне приходилось подавать пальто, застегивать молнии, натягивать сапоги и постоянно подталкивать их, напоминая о времени. Но в одно прекрасное утро я заставила себя выйти из комнаты и объявить: “Дети! Дайте мне знать, когда вы будете готовы к выходу!” В течение 10 минут я сидела на диване неподвижно, как предмет мебели. Когда они взбудораженные и очень довольные собой в конце концов пришли прочтаться, для меня вдруг стало совершенно не важно, что не все пуговицы застегнуты и что старший надел варежки младшего.

Был еще один случай, о котором мне захотелось рассказать Элен, потому что его никогда бы не было, если бы я сознательно не использовала свои новые приемы. Дэвиду было восемь, когда он заявил, что ему нужны деньги и он хочет найти работу. Я едва удержалась, чтобы не сказать ему, что восьмилетних детей на работу не берут, когда вспомнила доктора Джайнотта, который говорил нам: “Не отнимайте надежду, не готовьте детей к разочарованию”. Я только отметила, что понимаю его. Трудно поверить в то, что произошло в течение следующего часа. Дэвид взял телефонный справочник, нашел телефоны ближайших магазинов, позвонил и поговорил с несколькими директорами. В результате он сообщил мне: “Ты знаешь, для работы надо, чтобы тебе исполнилось 14, и надо еще иметь документы. Когда я подрасту, обязательно устройсь в магазин инструментов. Хозяин – замечательный человек, и мне нравиться возиться с инструментом”.

А ведь я могла лишить его такого опыта! Моя собственная мать сказала бы: “Что за глупости! Кто позволит восьмилетнему ребенку искать работу?”

Элен замотала головой:

– Пожалуйста, Джен, хватит! Я и так подавлена. Пора уползти к себе и обдумать все, что я у слышала.

Я понимала, что становлюсь невыносимый, но уже не могла остановиться:

– Элен, ты знаешь, чем я наслаждаюсь больше всего? Тем, что мне не надо больше быть жандармом в своем доме. Раньше я весь день ходила за ними следом: “Убери кубики! Вымой руки! Закрой дверь!” Такое удовольствие теперь испытывать ситуацию или проблему, вместо того чтобы рычать и командовать! Теперь я пою им нежным голосом: “Дети, двери открыты!” или “В телевизоре сказали – будет дождь!”.

Элен встала и потянулась за пальто:

– Джен, я не смогу этому научиться, я не пою. Это не мой стиль.

– Погоди, ведь и я не претендую на медаль, но этот “стиль” достался мне нелегко. Может, ты почувствуешь себя получше, когда узнаешь о том, какой глупой я бывала и как часто садила духом на этом пути. Хочешь послушать, например, как мне не удавалось даже поддерживать спокойствие, когда мой ребенок не мог ответить на чей-нибудь дурацкий вопрос.

Элен снова села.

– Это случилось в прошлом году. Моя тетя пришла к нам и спросила Энди, сколько ему лет. Я сказала себе: “Я не буду говорить за него. Это очень важно, чтобы ребенок ответил за себя сам”. Но когда я увидела, как он тупо смотрит на нее, открыв рот, как деревенский дурачок, я не выдержала. Прежде чем я успела задуматься, у меня уже вырвалось: “Шесть!”

– Я уже чувствую себя получше, – заявила Элен.

– Ты еще больше приободрись, когда узнаешь, что труднее всего для меня было принять самые легкие принципы. Особенный протест у меня вызывало заявление доктора Джайнотта о том, что в воспитании наших детей полагаются на других людей. Ты помнишь, как он говорил: “Спросите себя: в этой ситуации кто может помочь – моряк, учитель, дантист?”

Я не могла примириться со всем этим. Как может чужой человек помочь в трудной ситуации с твоим ребенком? Но каким шоком для меня было открытие, что имеет одианрное заявление из внешнего мира – просто оттого, что оно пошло извне имеет такую силу воздействия, о которой я не могла бы и мечтать.

Целый месяц, например, я потратила на уговоры, пытаюсь отвести Дэвида к парикмахеру. Ничего не помогало. И вот однажды он врывается с криком: “Привет, мама, я постригся”. Элен, ты знаешь, что сотворил чудо? Школьный сторож. Он сказал всего лишь: “Дэвид, тебе надо постричься”.

Очень трудно мне было, и до сих пор не всегда удается не совать свой нос в дела детей. Я запрещаю себе спрашивать их: “Учительнице понравилось твое сочинение? Что она сказала? С заданием по математике, которое я помогла? Что тебе стоит, все в порядке? Привет новое платье очень тебе идет. Кто-нибудь заметил?” Чтобы не думать сказать: “Привет, Пончик!” – и дать ей возможность самой сообщить мне то, что она считает важным.

В первый раз за все утро Элен улыбнулась:

– Ну уж этого я никогда не делаю! Я так долго терпела бесконечные поучения своей матери, что теперь сама не мучаю своих детей. До сих пор каждый раз, придя к нам, мать учит меня, вмешивается в наши дела: “Ты выглядишь усталой, дорогая. Ты достаточно отдохнешь?” Джен всегда приходит так поздно? Почему ты всегда ждешь до последней минуты, чтобы вынуть мясо из морозилки? Я не хочу вмешиваться, дорогая, но вкус у мяса лучше, когда оно предварительно разморожено”. Джен, эти слова меня просто парализуют. Вдруг я ловлю себя на том, что начинаю объяснять, что сплю много, что Джек очень занят в этом сезоне, запиная способ приготовления замороженного мяса, ведьжадо мать, что обед будет готов вовремя... Ты знаешь, Джен, как это трудно! Все равно, что сказать своему ребенку: “Я должна быть частью всего, что происходит с тобой. Мне хотелось бы вникать в каждую деталь твоей жизни. Ты не можешь обойтись без материнского совета, одобрения, указания”. И самое худшее, что постоянное комментирование и бесконечные вопросы крадут у ребенка время – время для приобретения его собственного опыта, нужного для выработки и отстаивания своего мнения.

Теперь я смотрела на нее во все глаза. Человек, который мог так красноречиво выразить свои мысли, знает и понимает гораздо больше, чем ему кажется.

– Элен, – сказала я, – мы с тобой поменялись местами. В какой-то момент ты почти убедила меня в том, что ты чрезмерно опекаешь своих детей. Если бы я остановилась на минутку и подумала, я бы сообразила, что это не так.

Элен посмотрела на меня с озадаченным видом.

– Тот случай с Лорой и Брауни на конкурсе плакатов, – напомнила я.

– Ах, это... – протянула неуверенно Элен.

– Да, это! У тебя была куча возможностей вмешаться и решить за них. Лора пыталась заставить тебя принять решение за нее. Она ходила за тобой следом из комнаты в комнату и спрашивала: “Мама, что мне делать? Стоит мне участвовать в конкурсе или нет? Как ты думаешь, я могу выиграть?..” А ты просто настаивала решать это самой Лоре, сказав: “Лора, ты думаешь, участвовать ли тебе в конкурсе, и волнуешься, удастся ли тебе выиграть. А что ты сама об этом думаешь?” Она перевела дыхание и выпалила немедленно: “Я хочу попробовать”. Ты могла сказать: “Это мудрое решение, и хочала. В любом случае ничто не пропадет, всякое усилие вознаграждается”. Но ты только кивнула в ответ.

Через несколько недель, когда Лора пришла домой с почетной лентой лауреата конкурса, я бы на твоём месте воскликнула: “Лора, это чудесно. Я так горжусь тобой!” – но ты просто обняла ее и сказала: “Лора, ты, наверное, очень гордишься собой!” И я не могу забыть этот момент, какой она была счастливой тогда, переполненной гордостью, казалось, что она даже стала выше ростом.

Женщина, которая может так радоваться торжеству своего ребенка без того, чтобы сделать его своим собственным, без того, чтобы присвоить его себе, поистине мудрая мать.

Элен стала неловко оправдываться:

– Возможно, это потому, что ты при этом присутствовала. Так что я могла сыграть эту сцену для зрителя, ты бы посмотрела, как я себя веду, когда никто не видит! Мне кажется, что я одна такая на лекциях, у кого так много проблем с автономией детей. Сущая пытка сидеть и слушать все эти истории об успехах с детьми.

Ты слышала, что сказала Розалин? Она так спокойно говорила о том, что ее дочь слишком поздно выходит из дома в школу. Она так уверена, что одно резкое замечание учителя будет эффективнее ее ежедневных нотаций, что позволяет дочери опаздывать.

Я не так. Я защищаю Лору от недовольствия учителя. А посмотри на Ли. Она совершенно спокойно смотрит, как ее дети играют в перчатки. Она уверена, что они сами прибегут, когда замерзнут, и тогда она будет рада оттереть их замерзшие руки и напоить горячим чаем. Я же ужасно боялась бы, что они обморозят руки.

А Кэтрин – она нашла на столе забытый сыном завтрак и не посчитала нужным отнести его в школу. Она прикинула, что может произойти: либо он займет у кого-нибудь деньги, либо получит половину завтрака от своего друга и тогда она будет рада оттереть их замерзшие руки и напоить горячим чаем. Я же ужасно боялась бы, что они обморозят руки.

Дело не в том, что я не знаю, что следует делать, просто я не могу приложить их опыт к себе. Простям него восстаю все мои инстинкты – защитить, помочь справиться с трудностями... В этом моя проблема.

Мне хотелось взять и потрясти ее за плечи.

– На самом деле это не твоя проблема! Это проблема всех родителей. Ты говоришь: предоставлять детям автономию – это естественно для тебя. Для родителей вообще естественно поддерживать, защищать, контролировать, советовать, управлять. Естественно хотеть, чтобы в тебе нуждались. Но естественно отделять надежды детей от наших надежд, отделять их разочарования от наших разочарований. Разрешать им вести свою борьбу. Позволять им уходить. То, что родители все-таки могут это делать, – вот чудо.

– Я молчала довольно долго. Когда она заговорила наконец, голос ее был так тих, что я вынуждена была наклониться к ней, чтобы расслышать.

– Я думала, ты могла бы сказать, что предоставление автономии – это реальное проявление любви к твоему ребенку... Дать ему почувствовать собственную силу, так ведь?.. Дать приобрести собственный опыт, даже неприятный... Ты могла бы сказать, что все остальное – это не любовь, это антилюбовь. Это все равно, что не давать ему жить.

Элен внезапно встала и решительно направилась к двери.

– Куда ты, – спросила я.

– Домой, – ответила она. – Есть кое-что, что я должна дать своим детям.

– Что же? – спросила я.

Она повернулась ко мне и улыбнулась:

Немножко пренебрежения к их здоровью. |

НЕСЕМ ЛИ МЫ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУДАЧИ НАШИХ ДЕТЕЙ?

Сергей Менделевич

У нас с женой на двоих пятеро детей. К тому же я директор школы. Так что ответ на вопрос будет “биполярный”.

О своих детях. Лет до десяти – двенадцати их успехи – это наши успехи. Если мы не помним об этой ответственности, то успехов в девяти случаях из десяти просто не будет. Особенно важно проявить эту ответственность между тремя и восемью годами ребенка. Именно в это время семейные установки на академические успехи, образовательные навыки, умение ребенка пользоваться информацией, перерабатывать ее работают на мотивацию обучения. Дальнейшая школьная жизнь – в начальных, в старших классах, учеба в вузе, именно в этом возрасте с трех до восьми получает фундамент, без которого, к сожалению, даже самые одаренные от природы дети достигают весьма малого. Одаренность, талант – это вещь потенциальная.

Под мотивированностью я подразумеваю существование стимула. И этим стимулом может быть диалог с родителями. Когда предметом диалога являются вещи абстрактные, когда предметом диалога становится получение нового знания на основе того, что на самом деле четырех-шестилетний ребенок уже знает. Вот эта модельная учебная ситуация дружеской беседы на естественно-научные, исторические и прочие темы в процессе, например, совместного похода за грибами – эта ситуация, с моей точки зрения, чрезвычайно важна. Мой большой, и чаще неудачный, опыт общения с собственными детьми показывает, что это так.

Старший сын – на него хватало сил и времени, и это сказало на том, что из всех моих детей, он пока один хоть в чем-то повторяет мой путь. Я пытался воспроизвести в отношениях с ним модель моих взаимоотношений с отцом. В той же мере, в которой я пытался состояться в интеллектуальной сфере, которую избрал для себя, мой сын пытается сделать то же в своей. Сейчас он занимается компьютерными сетями. Вполне преуспевающий молодой человек. Мой второй сын родился, когда уровень моей занятости и душевной лени привел к тому, что я видел его, в основном, ночами и спящим. И о его успехах мне, увы, сказать пока нечего. С младшим же я пытаюсь исправить ошибку и уделять ему больше времени, хотя семейные обстоятельства сложились так, что некоторое время мы почти не виделись. Сейчас сыну двенадцать, и приходится прикладывать огромные усилия, чтобы вернуть ему то, что он недополучил между пятью и семью годами.

Почему я все время говорю именно об интеллектуальном развитии? А какое еще развитие может быть предметом обсуждения в контексте вопроса об ответственности? Интеллектуальное развитие или... какое? В условиях мегаполиса главным критерием развития и успеха ребенка являются не столько душевные качества, сколько словарный запас, запас понятий, которыми он оперирует, его академические успехи. В этом я глубоко убежден. Бедные, зато честные, неграмотные, но душевно тонкие – это мне непонятно. Мои юность и молодость прошли в экспедициях, страну нашу ногами я практически всю знаю, легко и с удовольствием общаюсь с людьми другого способа существования, с егерями, с крестьянами, с экспедиционными рабочими, бывшими зеками “без права жительства в крупных городах”. Среди них есть и тонкие, и душевные, и деликатные люди, но их образа жизни я не желал бы своим детям... Мой второй сын человек тонкий и деликатный, но увы, не способный к систематическому труду. И я расцениваю это только как свой и его – наш чистый проигрыш. В условиях города деловая востребованность для мужчины определяется степенью его образованности и развития, а отнюдь не тонкими душевными свойствами. Этих свойств может не хватать, чтобы занять позицию в социуме, но фундаментом личности мужчины является способность выбрать дело и успешно им заниматься. Если выбором является тачание сапог, то уважение у меня вызовет тачание модельных сапог за соответствующие деньги. Если же выбор – набивка набоек, даже за значительно большие деньги, чем зарабатываю я, то он не вызовет у меня ощущения успеха, победы. Категория людей, условно говоря, занятых набойками, существовать будет всегда. Но для меня не они плоды родительских усилий.

Критерий успешности воспитания для меня – социальный успех, опирающийся на профессиональные навыки с возможностью творческого продвижения в течение жизни. За закладывание навыков, способствующих этого рода успеху, полностью отвечают родители. Ребенка, которого нельзя было бы “продвинуть” с его трех до восьми лет, за все годы моей родительской и учительской практики я не встречал.

А вот дальше начинаются куда более сложные вещи.

Между третьим–пятым и десятым классом родители и школа на паях ответственны за то, что происходит с ребенком. Причем с постепенным смещением центра тяжести этой ответственности в сторону школы. Что естественно: социальная функция у ребенка становится все более выраженной, какие-то ее основы заложены родителями, какие-то – складом ума, типом личности. Ребенок в этом возрасте – уже член общества. А что существенно для формирования любого члена общества? Ближайшее, семейное окружение, следующий круг – профессиональное окружение, в данном случае школьное, потом тот круг общества, который человек называет своим. На уровне одиннадцатого класса родители уже не отвечают за ребенка, за его дальнейший успех или неуспех, потому что они завысят от такого количества факторов, что говорят о чьей-либо отдельной ответственности уже не приходится. К одиннадцатому классу ответственность за ребенка становится всеобщей. И прекрасная, интеллигентная семья, например, с доходом в четыре тысячи рублей в месяц никак не обеспечит поступление своего вполне развитого ребенка в медицинский институт или в МГИМО, потому что и его желания, и подготовки тут, как мы знаем, мало. Человек может в будущем преодолеть это препятствие, но родители не могут “заточить” своего ребенка на непрерывное преодоление. Сознательно воспитать потребность преодоления нельзя, она должна совпадать с направлением социального успеха, с системой ценностей в обществе. Словом, должна быть подкреплена извне.

А к 21-му–22-му годам своего ребенка родители, мне кажется, уже свободны... Эту модель я пытаюсь реализовать со своими детьми. Например, когда я ушел от первой жены и поселился отдельно – снял комнату, мой старший сын спросил, можно ли ему жить со мной. Я сказал: да можно, если мы разделим плату за комнату. Он спросил, нельзя ли в долг, я согласился. Через два года, как мы и договорились, он был готов отдать этот долг. Когда я сам ушел из дома – а я сделал это в 15 лет – мой отец мне сказал: “Если ты будешь лезть в долги, приходи ко мне, я тебе одолжу”. Он всегда мне помогал, но никогда не содержал, я мог у него лишь одолжить с неотвратимой выплатой долга впоследствии. Мне представляется это правильным и естественным. Как минимум между мужчинами.

Об учениках, детях, вверенных мне как учителю

В школе, во всяком случае у нас в школе, ситуация другая, несемейная в том плане, что... Помните анекдот советских времен: чех сидел на Красной площади и размышлял: советский народ чешскому народу кто – брат или друг? И приходил к выводу, что брат. Потому что друзей мы выбираем сами. Наше положение лучше чешского – мы большинство своих учеников выбираем, набираем по конкурсу, потому что в нашем микрорайоне детей очень немного. За тех, кто учится у нас с первого класса, мы несем полную ответственность. Иногда, если классу к шестому мы чувствуем: что-то пошло не так, пытаемся найти для ребенка другую школу, которая для него правильнее. Были даже прецеденты, когда мы договаривались с достаточно дорогими негосударственными школами, чтобы они взяли некоторых детей, родители которых не могли платить за обучение.

Если речь идет о спецклассах – гуманитарном и математическом, которые набираются на конкурсной основе, а конкурс составляет иногда 30 человек на место, – тут наша ответственность за каждого ребенка чрезвычайно высока. Мы ведь сказали ему: “Бросай свою школу, ты можешь учиться у нас”. Бывает, что кто-то и сам уходит. У нас тяжело учиться, громадная нагрузка – не по часам, и не по объему домашних заданий, а потому что нужно непрерывно думать.

Мы занимаемся образованием. И не занимаемся социализацией, эстетическим развитием, балльными танцами... Мы пытаемся выработать у детей то, что на нашем жаргоне называется “пуританский кодекс труда”. Когда мы говорим: ребенок одаренный, но не наш, это значит, что мы не можем добиться от него вот этого: результата, соответствующего “пуританскому кодексу труда”. Когда процесс гораздо важнее результата. Когда ты занимаешься тем, без чего не можешь. Отсюда, кстати, и то, что в спецклассах у нас не любят ставить оценок. И получать.

Я не знаю, занимаемся ли мы в нашей школе воспитанием – скажите мне, что вы подразумеваете под этим словом, и я отвечу. Воспитание семейное – это понятно. Воспитание школьное мы стараемся минимизировать. Наша задача в том, чтобы подготовить тех, кто у нас учится, к профессиональной интеллектуальной деятельности. А это требует от нас заложить в ученика “пуританский кодекс труда” и честность в получении результата. Две вещи, которые мы считаем обязательными. Добываясь от своих детей этих навыков, мы принимаем на себя большую ответственность. Она не радует: есть много детей, которым мы открываем глаза на их несовершенство, которые очень этим расстроены, и дальнейшее их развитие идет под знаком неудачи. И если бы не мы, они бы в жизни не догадались, что они не такие, какими мы хотим их видеть. Не зная этого, они были бы гораздо счастливее. С нашей точки зрения, мы сделали их лучше. Но не им лучше. Так что все это грустная ответственность.

Учителю легко менять ребенка. Задача не в том, чтобы его менять, а в том, чтобы научить себя в этом ограничивать, в том, чтобы оставить ребенку свободу его воли в выборе решений. Обычно школа стремится этот “люфт” отнять, заполнить своим пониманием того, “как надо”. Мне кажется, что такой подход к детям, за которых действительно отвечаешь, совершенно неприемлем. Мы должны показать возможности выбора, а не доказывать правильность только одного пути.

|

Мураками Харуки

Dance, dance, dance...

Roman. Часть первая. Пер. с японск. Дмитрия Коваленина. -СПб.: Амфора, 2001.

Харуки Мураками: овцы у себя в яслях

Вышел в свет роман “Dance, dance, dance...” (1991), продолжение романа “Охота на овец” (1982). Точнее – вышла только первая часть русского перевода.

Это умный недосмотр судьбы. Или точный издательский прием. Беспардонный обрыв новой детективной истории во втором “русском” романе Мураками реабилитирует динамичную, как производственная гимнастика в фирме “Sony”, фабулу “Охоты”. Нам не узнать из вышедших глав “Dance, dance, dance...”, кто убил в токийском отеле красотку Мэй? И мы поневоле начинаем замечать в романах Мураками другие слои смыслов.

Два тома – вроде как связаны по законам детективного сериала. На деле же соединены умной, тонкой и печальной иероглификой символов. Итак, “в сюжете” прошло четыре года со времен поездки Рассказчика с подружкой Кики на заснеженный остров Хоккайдо, в унылый отель “Дельфин”, в забытое и заброшенное горное поместье в поисках мистической Мечевой Овцы чуть не с Мировой Идеей в лохматой груди. (Последний носитель Идеи Овцы повесился, как помнит читатель, не в силах вынести величие ее замыслов.)

В новом романе меняется воздух времени. Растет уровень жизни. Блестят рекламы, витрины, никелевые стойки кафе, глаза потребителей. Все злей, умней и грустней становится Рассказчик, токийский недотепа без запросов, пролетарий информационного конвейера, закручивающий гайки вкусов и интересов в мозгах платежеспособных сограждан – посетители информационных “Макдональдсов”. Для них теперь прилежно, профессионально, выжимая свой мозг досуха, Рассказчик “овечьего” эпоса пишет ресторанные обзоры и интервью с поп-звездочками: “...*Чем рассуждать, повезло с работой или нет, лучше залезть в эту работу по самые уши – а там уже и разницу чувствовать перестанешь*”. Очень точно сказано.

Дмитрий Коваленин, переводчик обеих книг, русский протагонист японского прозаика, – с молодой деликатностью, важным голосом писал в послесловии к “Охоте на овец”: Харуки Мураками для тридцатилетней токийской образованной аудитории “элитарен и крут”, “крут однозначно и, судя по всему, надолго”, крут как “Сэлинджер или... братья Стругацкие”. (Это уж что-то очень надолго. Это уж крутизна кроя дедушкиных штанов для выходов на Пешков-стрит или авангардной прозы “Затоваренная бочкотара”.)

Но текст “Dance, dance, dance...” и правда горек, ядовит, умен. Близок к опыту читателя (теперь уж не только японского-канадского, но и русского). Массовой эта литература должна быть признана не столько в силу занимательности разборок, сколько из-за точности социальных диагнозов.

Рефлексия Искателя Овцы чем-то напоминает скребущее, лохматое, кислотное самопознание копирайтера Владилена Татарникова. Но герой Мураками более свободен от своих, скажем так, Глобальных Работодателей. Его монологи спокойней, чем красочно-угарный пелевинский карнавал с орденосным хомячком Ростроповичем и заблыванными факсами. Однако, как все агнды и меринсы мира, мистические Овцы Мураками весьма охотно лижут горькую, крупнозернистую соль. И она выпадает кристаллами сарказма, конденсируется в размывлениях Рассказчика: “...*Состоял акт обожествления. Люди стали поклоняться динамизму Капитала. ...Канонизировать... все, что способен олицетворять сияющий новенький “порше”. Ибо никаких других мифов для них в этом мире уже не осталось*”.

Вот он, Развитой Капитализм. Мы живем в нем – нравится нам это или нет. ..Добро теперь делится на модное добро и немодное добро. Зло – на модное зло и немодное зло. У модного добра также весьма широкий ассортимент: добро официальное – и добро на каждый день, добро в стиле “хип” и добро в стиле “кул”...

Философия в таком мире чем дальше, тем больше напоминает теорию общего менеджмента. Ибо философия слишком неразрывно связана с динамикой эпохи”.

Рецензент выбрал самый любовной диалог. Там есть соль и более тонкого помолы: “*Несмотря ни на что – я люблю ходить за продуктами в “Кинокуния”. Смешно звучит, но салат, купленный в “Кинокуния”, остается свежим куда дольше, чем салат из других супермаркетов. Уж не знаю почему – но это так. Возможно, персонал “Кинокуния” остается в магазине после закрытия и всю ночь тренирует листья салата на выживаемость. Ничуть не удивлюсь... В нашем Обществе Развитого Капитализма еще и не такое случается”*.

Переводчик, знаток реалий, поясняет в сноске: “Кинокуния” – старейшая сеть букинистических магазинов Японии. Но в годы экономического бума у книжных лавочек, изысканных, как лаковые ларцы, появилась сеть энергичных внуков-супермаркетов с тем же родовым именем. Поэтому слово “Кинокуния” у просвещенного японца теперь вызывает сшибку: о редкой книге речь – или о продукте потребления с острыми приправами?

Впрочем, это частности. Сюжет нового романа держится на возвращении Рассказчика на остров Хоккайдо, в ветхий, унылый, как Дом Колхозника в Кимрах, отель “Дельфин”. То есть “DOLPHIN HOTEL”. То есть...

Игра слов тоньше и сложнее. Переводчик как-то проглядел торчащий в тексте из-под стойки бара растрепанный француско-японский словарь (и еще штук пять погрешек, дребезжачий тем же каламбуром). “DOLPHIN-DAUPHIN”, название звучит двусмысленно. По-французски совсем омоним: и дельфин, и дофин. Сомнительный наследник навеки утраченного королевства.

Ветхий отель, где хранились архивы японского овцеводства, снесен. На его месте выстроен многозвездный, блистательный билдинг с тем же именем “Дельфин”. Вокруг все зашевелилось, квартал стал обростать бундами и фастфудами, отмыли окна и мостовые, возросла активность населения и судорожно потянулось вверх качество жизни на этой окраине...

В общем, как было замечено Рассказчиком еще в “Охоте на овец”: “*По большому счету, наш народ всегда состоял из бедных людей, которым всю жизнь казалось, что из бедности можно как-нибудь вырваться...*”

Имеется в виду, конечно, народ японский. Но в этом отношении и мы в последние десять лет как-то слегка окосели – все описано узнаваемо и точно.

И главное: в этом блистающем билдинге с подогретыми полотенцами, бесконечным пыщковым и информационным мусором пончиков и рекламных проспектов, вышвыленными улыбающимися персоналом etc., в недрах отеля “Дельфин” (или “Наследник”), в каком-то четвертом измерении его чердака есть пещера, где темно, тепло, пахнет шерстью и старой бумагой...

Там Рассказчика вечно будет ждать мифический Человек-Овца, чтобы именно через репортера-недотепа “подключить” свою шерсть и бумагу, тьму и конфузливую доброту, вздохи и неосязаемый миф (столь же универсальный для всех религий и ментальностей, как тепло овечьего бока, вкус коровьего молока, шорох леса) – к реальной жизни, к неотменимой “игре по новым правилам”.

“В этом месте – главный узел, где все пересекается. И мы сидим здесь и все подключаем. ...Понадобилось тебе что-нибудь – ты забираешь это в свой мир, а мы уже подключаем ко всему остальному...”

Схема этого японского чуда вряд ли объяснима. Но успокоительно знать, что на острове Хоккайдо, на чердаке отеля “Наследник” есть такое место.

Их беседа весьма примечательна. Дикий, косноязычный, обросший шерстью Человек-Овца дает рассказчику самый современный совет: Dance, dance, dance... (Откуда, собственно, и имя романа.)

Танцуй? Старые штуки: еще в романтической пору заката Европы, перед Второй мировой, в печально блещущем цветными огнями лесу мюнхенском баре Гермина, девушка трудной судьбы, учила Гарри Галлера, Степного Волка Гессе, отчаявшегося интеллектуала, танцевать чарльстон и фокстрот. (Теперь, верно, речь идет о рэпе и хип-хопе.) Dance, dance, dance... У Гессе танец уводил Степного Волка в зеркала Магического Театра, где ждали мертвый Гете и мертвый Моцарт (они-то умели танцевать, другого пути к ним не было).

Но Человек-Овца – не романтик. Он оптимист и прагматик. В его совете – другой месседж. И куда больше надежды. Он велит: танцуй – иначе околтенеешь и спрячешься у нас, во тьме леса и архива. Танцуй – иначе реальная жизнь отторгнет тебя. Танцуй – чтоб этот, уже неотменимый, мир “новых правил” на тебя смотрел. Танцуй, чтоб быть ему интересным.

Видимо, в замысле Человека-Овцы этот пляс на миру как-то входит!

Новый японский роман о Человеке-Овце и старый немецкий о Человеке-Волке – похожи многими черточками и нервами сюжета. Но рассказчик из книг Мураками, печальный и бодрый пролетарий глянцевого периодаки, – ошачил и попростел в равнении с Гарри, эссеистом, библиотечным интеллектуалом. Рассказчик Мураками – уже не “интель” (или “интель” только для двух усталых полицейских, допрашивающих его в связи с убийством красотки Мэй в токийском отеле; но у спецслужб – свои заблуждения и предассудки).

И в этом лукавом “dance, dance, dance...” неоконченного романа – есть многое. Даже, пожалуй, формула жанра, найденного Мураками. В этом танце на миру – он сумел и привлечь внимание и найти равновесие...

Недоверчивый читатель “Охоты на овец” думал прежде: не зря у Мураками в первых же главах, на глазах Рассказчика на экране телевизора в студенческом баре картинку новостей заливала кровь Юкио Мисимы. (Он, выходит, совершил харакири почти под прицелом телеоператоров?)

И не случайно герои “Охоты” и его лохматые приятели по университету Васэда 1970-го г., будущие менеджеры и офис-леди Общества Процветания, даже не оборачивались в этой сцене к “телеку”. А мирно пили пиво с чипсами...

Этот немой телеэкран, залитый кровью самурайского Дон Кихота ницшеанца, дразнил читателя “Охоты на овец”, точно багряный язык шута при дворе Постиндустриальной Цивилизации. Вроде бы ясно возвеца: ни богоборческий поджог, ни сакральное строительство Золотых Храмов высокой прозы нас тут больше не волнуют. Мы займемся другой словесностью – скоростной, безупречно обтекаемой, выстроенной по новейшим информационным технологиям, с мощным мотором криминальной фабулы. Сборка – конвейерная. Качество – безупречное. Простота в upholstery гарантирована любому читателю, с максимальным и минимальным IQ: этот момент тщательно продуман фирмой-повествователем. Все очень по-японски...

Но “овечий” цикл его романов и бестселлер, и настоящая книга.

Так пусть числится крутым и элитарным, как Стругацкие! Пусть идет в канонедельниках по разряду “модного добра”. (Или добра в стиле “хип”...)

Он, действительно кое-что, выносит из темной и теплой овечьей пещеры смыслов и подключает к вышеупомянутому Обществу Развитого (а также и Недоразвитого) Капитализма. I

Елена Дьякова

Экман Пол

Психология лжи.

– Санкт-Петербург, Москва – Харьков – Минск:

“Питер”, 2001.

Психологический детектив

*Если вы гуляли в шапке,
А потом она пропала,
Не волнуйтесь: дома маме
Можно что-нибудь соевать.
Но старайтесь врать красиво,
Чтоб, не в силах оторваться,
Затаив дышанье, мама
Долго слушала вранье.
Но уж если вы навралли
Про потерянную шапку,
Что ее в бою неравном
Отобрал у вас шпион,
Постарайтесь, чтобы мама
Не ходила возмущаться
В иностранную разведку –
Там ее не так поймут.*

Оказывается, под этот “вредный совет” Григория Эстера можно подвести серьезную научную базу. Америкенский психолог Пол Экман, известный исследователь невербального поведения, в книге “Психология лжи” рассматривает многочисленные виды обманов и способы поведения лица и его жесты. Впрочем, Экмана интересует не столько и жребота, сколько верификатор, то есть тот, кому необходимо распознать обман и сделать соответствующие выводы. Так что прямую практическую пользу его труд представляет прежде всего для следователей, менеджеров по персоналу, психотерапевтов. Именно этих людей, просто в силу особенностей их профессии, чаще всего пытаются обмануть.

Между тем книга эта увлекает, как детектив, независимо от рода занятий читателя. Когда читаешь первые главы, посвященные признакам обмана, порой возникает чувство, что перед тобой учебник для начинающих врунов. Достаточно подробно изучить чужие ошибки и избежать их, например объясня маме, куда подевалась шапка. А ошибки эти, иначе говоря – признаки лжи, очень подробно разобраны и тщательно классифицированы. К тому же выясняется, что распознать лжю трудно, так как жертве обмана приходится иметь дело не с каким-то отдельным признаком, а с обвалом информации. Слушатель должен одновременно воспринять и оценить “слова, паузы, звучание голоса, выражение лица, движения без головы, жесты” и множество других факторов. Ну как ему не запутаться?

Однако затем выясняется, что жизнь верификатора вовсе не так сложна. Экман соотносит поведенческие проявления с типами информации, о которой человек умалчивает. В книге описано множество экспериментов, проведенных ученым, например, для того, чтобы получить в лабораторных условиях “чистые эмоции”. Используя в эксперименте актеров, которые не смущаются того, что на них смотрят исследователи, и в силу своей профессии умеют вызывать у себя чувства “по заказу”, Экман свел результаты в таблицы. Глядя на эти таблицы, начинаешь чувствовать, что подозреваемый загнан в угол, ему уже никуда не деться, ложь будет разоблачена, а правда восторжествует. Более того, уже во время, когда писалась “Психология лжи”, Экман начал новое исследование. Он пытался доказать строгое соответствие между эмоциями и определенными изменениями вегетативной нервной системы. Он только в начале пути, но если и этот путь завершится составлением простой и удобной таблицы, обманщикам не позавидуешь.

Когда напряжение нарастает до максимума, намечается новый поворот сюжета. Экман начинает предостерегать верификаторов от ошибок, поспешных трактовок. С его точки зрения, чтобы быть уверенным в достоверности своего суждения, верификатор должен хорошо знать предполагаемого обманщика и манеру его поведения. Иначе есть опасность принять за лжеца, например, человека с замедленной речью или слабо выраженной мимикой.

Дочитав книгу, понимаешь, что едва ли станешь применять методы, описанные Экманом, в повседневных отношениях с людьми. Строго говоря, любой из нас всегда замечает, если близкий человек – ребенок, друг, любимый, друг, кто-то скрывает, если он пытается радостно улыбаться, хотя на душе скребут кошки. Мы корректируем поведение в соответствии со своими догадками, но далеко не всегда пытаемся вывести обманщика на чистую воду. Человек имеет право на тайну. Но при этом понимаешь: для того, чтобы не совершить бестактности, не задеть и не обидеть, необходимо научиться читать невербальные проявления наших близких. А не только слышать “мысль изреченную”. I

Наталья Хмелик

Уте Эрхардт

*Хорошие девочки отправляются на небеса,
а плохие – куда захотят, или Почему
послушание не приносит счастья.*

– Москва: “Класс”, 2001

Умение быть собой

Книжный лоток у метро пестрит обложками: “Как выйти замуж”, “Как удержать любимого”, “Как быть любимой”. Купите там же, у метро, женский журнал любой толщины и стоимости и непременно прочтите: “Каждая женщина мечтает создать семью”, “Высшее счастье женщины – материнство”, “Кроткая нежная, уступчивая – такова настоящая женщина”. А теперь оторвесьте от журнала, взгляните на пассажира. Большинство женщин вокруг – это жены и матери семейств, прилежные читательницы журнальных статей и книг с лотков. Почему же так мало счастливых женских лиц?

Ответ на этот вопрос и попытка дать Уте Эрхардт, и ответ ее вынудит убедительному. Женщины, которых с детства растли в послушании, в подчинении абсолютному ролевому и социальному стандарту, просто не знают, чего же хотят они сами. Зато они отлично усвоили, чего ждут от них окружающие, и самоотверженно оправдывают эти ожидания. Замети, как жертливе от этого не становится никто. Те, кому, преданы, и матери приносят в жертву собственную личность, тоже не счастливы, а довольны. До поры до времени. А потом – многие из них отправляются на поиски счастья.

Уте Эрхардт учит своих читательниц быть плохими девочками, которые идут куда захотят. Первое, что для этого нужно, – понять, куда хочешь идти. А потом осознать свое право на свободное и открытое выражение собственных желаний, амбиций, эмоций. Оказывается, что для многих это непростой труд, который называется самовоспитанием. Автор по мере сил помогает читательницам, предлагая свои стратегии, которые помогут изменить самооценку, мироощущение, а потом – и повседневное поведение. Перестать улыбаться, когда совсем не весело, научиться говорить “нет”, не чувствовать себя виноватой, занимаясь собой и своими делами. Ведь стремясь всегда быть милой со всеми, женщина загоняет внутрь свою злость, недовольство, обиды, которые потом прорываются в виде затяжных конфликтов, соматических болезней, а иногда депрессий. Посмотрите на лица в метро.

“Только тогда, когда Золушка нарушила запреты, ее жизнь начала меняться. Она оставила работу, надела красивое платье и поехала на бал – то есть сделала то, что ей было запрещено, но самой охотнее хотелось. Счастливым концом сказки всемо известно. К Золушке пришел успех тогда, когда она перестала быть послушной и пассивной”, – пишет Эрхардт. А может быть, и правда стоит попробовать?

Конечно, книга Эрхардт вызовет отклик не в каждой женской душе. Для того чтобы пробиться сквозь идеи автора, надо четко осознать желание изменить свою жизнь и набраться смелости это сделать. А потом прочесть книгу, полную не только рекомендаций, но и женских историй, и еще раз подумать, действительно ли вы хотите такого результата, который Эрхардт считает оптимальным? Если да – смело делайте первый шаг.

Наталья Строилова

ЧАСЫ БЬЮТ В ДЮЖИНУ | т а т ь я н а б а б у ш к и н а

...так начинается праздник ожидания праздника, где встречаются незабываемые образы детства ушедшего, и складывается предновогодний уклад детства настоящего.

Тем кто помнит избыток сюжетов новогоднего домашнего детства, печально смотреть на циклическое временное сужение этого праздника. Но нельзя изменить естественный ход времени. И повтор даже самого прекрасного – всегда или назидание, или неестественность, упрощение. С другой стороны, передача традиции настолько значима и ничем не заменима, что мне показалось возможным выделить как-бы строительные материалы, из самых значимых. Из которых каждый из нас может построить свое здание ПРАЗДНИКА.

Но нельзя изменить естественный ход времени. И повтор даже самого прекрасного – всегда или назидание, или неестественность, упрощение. С другой стороны, передача традиции настолько значима и ничем не заменима, что мне показалось возможным выделить как-бы строительные материалы из самых значимых. Из которых каждый из нас может построить свое здание ПРАЗДНИКА.

Всех своих добрых знакомых я спрашиваю, кем они были в детстве – мальчиком или девочкой? Лично я была мальчиком, что подтверждалось не только играми, но и выбором новогодних костюмов, начиная с Кота в сапогах и кончая Крокодилом, над рождением которого трудилась вся моя семья. Женская половина усердно шила “шкуру”, вернее “кожу”. А дедушка и папа гнули стальные хребты и хвосты, тщательно соединяя контакты с батареей. В результате по мановению трех кнопочек, чудом уместившихся в моей ладони, поднимался огромный хвост, зажигались глаза и щелкала пасть, через которую я все видела и куда дети могли восторженно засовывать пальчики.

Крокодил катался с гор, водил хороводы. И в тот вечер чувствовал себя очень уверенно в отличие от повседневности.

... Как мне стало известно, между ноябрем и декабрем есть невидимый месяц Сиренивень. Именно в нем и начинается **праздник ожидания праздника**, и встречаются незабываемые образы детства **ушедшего**, и складывается **предновогодний уклад** детства настоящего.

Праздничное Время

Праздничное Время теряет свои обычные параметры. Александр Блок говорил, что по насыщенности оно равно неделям, а по внутренним переменам, которые внезапно могут произойти в детской душе, – годам.

Оно, всегда пропитанное ожиданиями, то сужается до предела детского терпения, то расширяется внезапностью сюрприза. Наступившая пора дозволений – от возможности, без особых последствий поспешить разобраться в маминих приготовлениях до **первооткрытия бессонной** (всегда частично) **Новогодней Ночи**... Вступление в право свободы сна... Поэтому главное чудо праздничного **Времени – в нарушении Времени**.

Его магический кристалл лежит между сном и явью, в опыте первых созерцаний, когда вся комната становится шкапулкой, а елка – кладом, и все это **детская сокровищница**, богатство которой ты перебираешь **не рукой, а взглядом**.

Театр теней. Путешествие по веткам. Простор внутренних фантазий, раздвинутый перемещениями света.

Праздничное время настолько неповторимо живет в ребенке, что его хочется как-то особо **назвать**...

Мне часто попадало от бабушки и дедушки, когда я повторяла и повторяла: **“Часы пробили в дюжину”**. Взрослым была неясна притязательность смещения дорогих сердцу понятий. Мне чудилось, что в этом слове живет очень большая и бьющая курантами цифра 12, помещаются предвкушение праздничного стола и целая дюжина гостей, вилок, тарелок! В слове слышалось, что в следующем году все мы будем вместе: бабушка, дедушка и я! **И обязательно сдюжим**.

Так и осталось во мне это раз в году необходимое обозначение времени.

Ткань праздничного времени так тонка, что ее можно разорвать не только криком – простым замечанием.

Время Новогодней Полночи – это темечко Года. Это Время только посаженного зернышка.

Путешествие по страницам декабрьского года

Предчувствие наступления Нового года всегда выходит за стены дома и ищет подтверждений в пространстве сумерек заснеженного города. В неспешной прогулке за руку, перелистывая украшенные витрины, с маленьким путешественником можно погрузиться в волшебную книгу города, иногда возвращаясь и оставляя следы у любимых страниц.

Елочный мир за стеклом, придающий магазинам еще один, не земной смысл, сочетает доступность взора и невозможность прикосновения. И тогда в раме мороза начинает трудиться внутренний взгляд, рождаются истории, чудом уцелевшие в эпоху суетности экрана.

Можно натолкнуться на такие места в тексте прогулки...

Витрина, украшенная Дедом Морозом и оленем. На асфальте снег растаял. Лежит только на узком газоне. Два мальчика лет пяти лопатками набирают снег и сыпают на тротуар, поближе к оленю.

Взрослые разговаривали, смотрели, но не увидели. Их дети прильнули к стеклу. Отдыхающий в сугробе Дед Мороз чуть дышал. Механика игрушки обернулась **готовностью к работе одушевления**.

Мальчик внимательно наблюдает, как молодая рыжая кошка на задних лапках следит за играющими между собой блестящими.

На обложке зимней книги – Брейгелевская картина брожения родителей и детей у большой городской Елки, где взрослый мир своим присутствием подтверждает признание важности сказочно-детского пространства.

Отдавание-получение

Чуть нарушено это главное условие праздника – и не появляется готовность встретить чудо.

У меня в детстве всегда было две елки. Одна блистала стеклянными игрушками. Другую я наряжала целиком моими поделками. **Ибо дарение начинается с поздравления Елки!**

Тайна новогоднего костюма

Я долго думала над невероятным усердием мам в изготовлении своему чаду новогоднего костюма. И вдруг поняла: родители скидывают, как царевна-лягушка, шкурку взрослости и за одну ночь вшивают и вклеивают в костюм всю силу будущих своих **животворящих воспоминаний**, которые дети передадут потом от елки к елке, от поколения к поколению, от маски к маске...

t° праздника

Тепло – холод.

Давно – давно.

Давным-давно мой дедушка неожиданно поставил на праздничный стол маленького снеговика на блюде, которого мы слепили еще утром. И он еще несколько минут грелся среди мандаринов, а потом еще долго жил на нашем балконе.

Новогоднее пространство – это единственная точка **Встречи** тепла и холода, где они **не противоречат** друг другу и дружелюбно друг друга **продолжают**...

Декабрьский снег, многократно отраженный сказкой, открыткой и экраном, делает еще более привлекательным теплый освещенный круг Дома. **Тепло** дома отпускает взор гулять по сверкающим сугробам. **Свет** в окне зовет с улицы теплом. Холод и тепло в это время превращаются в единый **жизненный текст детства**. На прогулке, в сказке, в мире внутреннем и внешнем, дозволенном и запрещенном. Недаром так сладко есть сосульки, наслаждаясь у печки уходящим холодом.

А вот **тепло** дома невидимого, семейного идет от **Света** новогодних свечей.

Елка

Елка – часть **вечнозеленого**...

В неповторимости дома становится **больше целого**... Ты ее выбираешь, и в то же время она сама приходит к тебе, протягивая лапу...

Единственное дерево, вырастающее в комнате **мгновенно**. И можно только догадываться, как глубоки его корни...

За окнами графика веток, а тут бесчисленные мазки пахнущих иголок...

Хвойная Вселенная с дорогами канители, планетами шаров, населенная игрушками. Именно с ней связано представление о многообразии плода: шишки, сладости, украшения... И все – в дар...

От роста елки зависит, каким ты себя ощущаешь. Высокая елка прелагает родителю почасе брата себя на руку... А самая маленькая, с крохотными игрушками сама поднимает тебя на другую высоту многомерных внутренних превращений, так хорошо испробованных Алисой...

Елку можно измерить в сантиметрах, а можно в количестве лет от одной стеклянной реликвии до другой.

В доме с бережно передаваемой традицией украшения, с уважением к сложным отношениям игрушек чувствуют кого можно поселить рядом. Новоселье на ветках складывается годами. И кажущаяся эклектика имеет тайну, иногда доступную только ребенку... Поэтотому особенно печален распространившийся в прошлом симметрично-бытовой стиль украшения чем-либо одним: шарам, звездами – в угоду утилитарной красоты. Мне было шесть лет, когда бабушка украсила елку, как пирамиду, четырьмя гранями. И каждая ее сторона представляла сюжет сказки, следующий к вершине. Это была наша тайна, и я могла поделиться ею с избранными.

Размещение игрушек в нишах ветвей – первая модель защищенности, вместимости, многообразия...

Елка пахнет мандаринами, снегом, бенгальскими огнями, ванилином, пришедшими с мороза гостями, чем-то новым...

Солится

Колется

Бросает тени

Задевает иголками затылок

Тянет за тобой дождем

Роняет игрушки

Умножается огоньками

Повторяемая неповторимость. Возвышенный свидетель всех чудесных **переживаний** всех, кто уже стали взрослыми.

Рождествен проживаемая цитата прочитанных и услышанных рождественских историй. Сведенные стрелки часов Новогоднего Времени.

Новый Год – это когда внутри больше, чем снаружи...